

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

В дубрах России

ВЛАДИМИР НЕСТЕРЦОВ

БАГЯЖ ИМПЕРАТОРА

КНИГА ВТОРАЯ

16+

Владимир Нестерцов

**Багаж императора. В дебрях
России. Книга вторая**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Нестерцов В. Д.

Багаж императора. В дебрях России. Книга вторая /
В. Д. Нестерцов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Если вы любознательный и нестандартно мыслящий человек, то эта книга для вас. Вместе с героями романа «В дебрях России» вы составите команду по поиску и спасению царя Николая II. Совершите опасное путешествие по подземельям Харькова, спасете алмазную корону из Владимирского дворца, которую до сих пор носит английская королева, побываете на коронации «нового» царя. В этом путешествии вам помогут известный на всю Одессу Мишка Япончик, Ламака и много других интересных персонажей. Пройдя этот нелегкий путь, вы столкнетесь с тайной, которая до сих пор волнует умы исследователей и открывается в третьей книге романа.

Содержание

В ожидании отъезда	5
Морской круиз в Одессу	10
Одесские страдания	14
Неожиданное столкновение: чудовище из Зазаркаля	20
Волчья сотня	22
Сюрпризы подземелья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

В ожидании отъезда

Английские газеты, питаемые новостями с телеграфной ленты, рисовали мрачную картину действительности в России. Масла в огонь подливали и беженцы, потоком хлынувшие на берега Сены и Темзы. Наряду со страшными небылицами, рассказанными ими, проскальзывали и крупницы правды, которые, однако, не приносили облегчения, а подчеркивали непередаваемый хаос и анархию, которые царили в стране. Империя рассыпалась, как картонный домик. Власть не пытался брать в свои руки только ленивый. На периферии формировались и распадались всякого рода и окраса правительства, которые заявляли о выходе из состава Российского государства и создании своей независимой республики. Это слово стало модным. Большевики, выдвинув лозунг республики Советов, старались захватить власть в стране, при этом применяя самые радикальные методы. Им отчаянно сопротивлялись различные политические партии и движения, которые в неимоверном количестве проросли на хорошо удобренной политической почве. Расцвело и белое движение, вобравшее в себя цвет офицерского корпуса, оставшегося верным лозунгу единой и неделимой России. На поверхность вылезли многочисленные колдуны и прорицатели, пугая народ грядущими катаклизмами. Солдаты толпами стали дезертировать из армии, не забывая прихватить с собой винтовку, чтобы дома, в деревне, чувствовать себя человеком. Линия фронта оголилась, и немецкая армия, словно нож в масло, без особых усилий стала продвигаться в глубь страны, накрывая своей серой массой территорию за территорией. Остро ощущались нехватка топлива, продовольствия, отсутствие институтов власти. Пропало электричество, в стране начался полный беспредел. Тысячи банд и разбойничьих шаек рыскали по стране, занимаясь дележом территории и грабя население под лозунгом свободы. Каждый выживал, как мог, используя малейшую возможность, чтобы приспособиться к окружающей действительности. А она была очень суровой и порой ставила перед человеком такие вопросы, на которые он сам не в состоянии был ответить. В дебрях России вызревало что-то новое, непонятное и ужасное, готовое растоптать все, что было сделано до этого, и на ровном, свободном от всего пространстве строить свое загадочное будущее. Европейские государства, перенёсшие выяснение отношений между собой на поля военных действий, не очень внимательно следили за событиями, происходившими в далёкой стране. Они еще не понимали, что эти события, набрав силу и энергию, в полной мере ударят по ним, заставив принимать срочные меры не только в области экономики, но и политики и даже власти, поколебав, казалось бы, вечные монархические устои многих стран.

Все это я читал между строк в газетах, стараясь поближе представить себе ситуацию, которая складывалась в моей стране. Газеты были разбросаны по всей квартире, но, к сожалению, они не добавляли мне оптимизма и не вселяли уверенности в возможном улучшении ситуации. Наоборот, с каждым поступлением новых газет опубликованные сведения становились все хуже и хуже. На страницах разворачивалась дискуссия о том, есть ли в России власть, которая будет верна союзническому долгу и продолжит военные действия, в отличие от большевиков, которые начали переговоры с немцами о мире.

О царской семье никаких вестей не было. Боясь самого худшего, я с нетерпением ждал момента, когда мы сможем отправиться в Россию. Но от Эдварда не было никаких известий, хотя уже прошла почти неделя со дня нашей последней встречи. Кроме этого меня волновало, как обстоят дела с сохранностью того груза, который я завез в замок, все ли там в порядке, можно ли каким-то образом постоянно следить за ним. Это, конечно, не Крым, но, тем не менее, при желании и сюда можно добраться. Надо придумать что-то такое, что давало бы мне возможность быть в курсе дел относительно моего груза, то есть мне нужен человек, который служит во дворце и имеет доступ к подвалам, где хранятся ящики. Он всего лишь должен периодически информировать меня о состоянии дел – и больше ничего. Я думаю, что опреде-

ленная сумма, выплачиваемая ему регулярно, стимулировала бы его интерес к этому вопросу. Оставалось только решить, где найти нужного мне человека.

Прикинув возможные варианты, я решил направиться в ближайший ко дворцу паб. Если обслуживающий персонал дворца захочет расслабиться после работы, то куда он пойдет в первую очередь? Да, конечно, в ближайший паб, чтобы пропустить пару кружечек пива и «почесать язык» в компании своих или, напустив на себя важность, рассказать всякие небылицы о дворцовых нравах. Но мне нужен человек более серьезный, умеющий держать язык за зубами. Такого человека видно сразу: он не мельтешит, движения его уверенные и плавные, на лице серьезное выражение, взгляд спокойный, пиво он пьет степенно, не сдувая пену ртом, как некоторые. Плюс к этому, если бы он был еще немного скромным и немножко скрягой, который дорожит каждым шиллингом, тогда и моя добавка к его зарплате была бы весомой.

Погода, как назло, испортилась. Вот уже третий день лил непрерывный дождь, наводя тоску и отбивая всякое желание выходить на улицу. Спасали камин и доброе шотландское виски. Но это тоже имеет свой предел, и наступает время, когда человеку надоедает все и ему просто хочется пообщаться, а еще проще – поговорить по душам, все равно с кем. А где этого «с кем» найдешь? Да только в пабе! Вот и мне надоело сидеть в одиночестве и пришлось вылезать под дождь, чтобы найти нужного человека. Приехав в паб, я не стал заказывать виски, а попросил пива, как все посетители. Скромно сев за столик в углу, я начал изучать людей, которые после рабочего дня заполняли зал. Их положение в обществе легко было угадать по одежде, манере разговора, жестам, которые красноречиво свидетельствовали о социальном статусе клиентов. Нужных мне субъектов пока не было. Их видно издали, потому что служба во дворце накладывает на людей определенный отпечаток, да впрочем, как и любая другая профессия. Я заказал уже третий стакан темного бодрящего пива, решив, что после него буду уходить домой, как вдруг колокольчик, висящий на двери, звякнул, и она, раскрывшись, буквально впихнула в зал полосу дождя вместе с человеком, с дождевика которого стекали струйки воды. Дождевик произнес бодрым голосом «Всем привет» и моментально оказался на вешалке.

–А, Джон, давненько тебя не было, приболел что ли? – произнес хозяин, дружески пожимая руку вошедшему.

–Да нет, работы много, – ответил тот, садясь перед стойкой бара.

Хозяин, не спрашивая согласия, налил ему стакан пива и поставил на стойку. Очевидно, многие знали этого посетителя, так как приветливо кивали ему головами или поднимали в знак приветствия стаканы. Он вежливо раскланялся со всеми, обвел взглядом зал, на секунду задержавшись на мне, и снова повернулся к хозяину, продолжая с ним начатый разговор. Этот человек не соответствовал моим представлениям о нужной кандидатуре, и я перестал уделять ему внимание. Но, как оказалось, зря. Краем уха я уловил разговор двух посетителей за соседним столиком. Наклонившись к уху соседа, один из них сказал:

–Этот Джон веселый парень, даже дождь не портит ему настроение.

На что второй ему ответил:

–Был бы ты камердинером королевы, то также не обращал бы внимания на то, что происходит за стенами замка. Для него главное, что делается внутри «королевской кухни», а сюда он приходит, чтобы развеяться.

–Да, с такой должностью можно и в паб не приходиться, а пить королевское пиво во дворце.

–Да ладно тебе, чего придираешься к человеку, ведь он служит, как и все мы. Как говорится, каждому свое место. Ему – при королеве, а нам – при муниципалитете.

На этом их разговор постепенно иссяк, и они молча продолжали пить свое пиво.

Этот разговор, как и человек, естественно, заинтересовали меня, и я решил попытаться найти контакт с ним. Допив пиво и расплатившись, я отправился домой, решив начать с ним работу в следующий раз, так как визуальный контакт у нас уже произошел. Второго дня про-

шел так же безрезультатно, правда, он уже привык к моему присутствию и не косился на меня. Только на третий день появилась возможность заговорить с ним. Когда я пришел в паб, он уже сидел один за столиком и пил пиво. Взяв себе стакан, я попросил у него разрешения сесть рядом. Получив согласие, я присел и завел с ним беседу об английской традиции посещения паба. Он сразу спросил меня, не иностранец ли я. На этот вопрос я ответил утвердительно, не скрывая, что я из России. И после этого у нас завязался интересный разговор о традициях употребления спиртных напитков в Англии и России. Теоретические вопросы мы подкрепляли практическими действиями. Начав с пива, мы затем перешли на виски. Водки, к сожалению, в пабе не оказалось. А чтобы доказать преимущество крепости водки перед другими напитками, мне пришлось смешать виски и ром в одном стакане. После употребления такого коктейля остальные напитки нам показались водой. Завершив на этом дискуссию, я взял с него слово, что он приедет ко мне в гости, чтобы попробовать настоящей русской водки из подвалов графа Воронцова, и, поймав кеб, отправил его домой. Дня через два, дав Джону время на размышление, я позвонил ему и напомнил о своём приглашении. Он без колебаний принял его и согласился приехать в семь вечера ко мне домой.

Я накрыл стол, выставив заветную бутылку водки крымского разлива и серебряные стопки. Он прибыл ровно в семь и с удовольствием осмотрел дом, похвалив мой выбор. Разговор об интересующем меня деле я начал после третьей стопки. Поведав о событиях в России и судьбе царской семьи, о ее родственных связях с королем Англии, я потихоньку подвел его к проблеме багажа. Он ничуть не удивился и сказал, что по разговорам наверху догадался о том, что багаж русского царя находится в замке. Продолжая свое повествование, я попросил его оказать мне дружескую услугу по периодическому контролю сохранности ящиков. Это заставило его задуматься. Но когда я озвучил, что эта работа будет не бесплатной, он согласился. Сошлись на десяти фунтах в месяц. Оговорив сроки и способы контакта, я вручил ему деньги за полгода вперед, после чего мы допили водку и расстались, довольные друг другом.

Если эта проблема была решена, то проблема выезда в Россию оставалась под вопросом. Эдвард не выходил на связь, и я был в неведении, как обстоят дела. Нужно было что-то предпринимать. Чтобы каким – то образом прояснить ситуацию, я решил потолкаться в портовых кабаках и в самом порту. На основе этих походов я сделал вывод, что связь с Россией морским транспортом возможна. Английское правительство приняло решение отправлять туда военные грузы и распределять их среди тех, кто остался верен союзническому долгу, поэтому корабли загружались оружием, артиллерией, продовольствием и даже танками. Все эти грузовые суда караванами, под конвоем отправлялись в различные порты бывшей российской империи, так что при желании можно было устроиться на один из таких транспортов и попасть домой. Но я был связан со своим напарником, без которого мне нельзя было уезжать.

Когда я уже решил действовать самостоятельно, появился Эдвард. Он ворвался в дом с двумя большими свёртками в руках, разбрызгивая по комнате капли дождя.

–Это наша одежда, – воскликнул он, бросая пакеты на стол, после чего сорвал с себя пальто, забросил его на вешалку и плюхнулся в кресло.

–Извини, что не мог связаться с тобой. Опять эти мои начальники придумали мне срочное задание и послали неизвестно куда, не дав возможности сообщить тебе об этом. И вот сегодня, только приехав, я сразу решил нанести тебе визит. Я представляю, что ты тут пережил, не имея никаких сведений обо мне. Так что еще раз прости. Выезжаем мы послезавтра на грузовом пароходе, который везет военное снаряжение в Россию. Капитан уже предупрежден и ждет нас. Корабль завтра становится под погрузку и послезавтра в семь утра в составе каравана отправляется в вашу страну. Курс через Атлантику и Черное море на Одессу. Это как раз то, что нам нужно. А уже оттуда мы с тобой будем пробираться на Петроград.

–Наконец-то хоть что-то сдвинулось с места,– сказал я. – А о семье царя что-нибудь известно?

–К сожалению, ничего. Вызывали в МИД представителя Советов, так и он ничего вразумительного сказать не мог. По его сведениям, вроде бы их перевезли в Екатеринбург и там содержат под охраной.

–Да, ситуация непонятная. Нам надо будет в Петрограде попытаться выяснить все более детально, а затем уже предпринимать какие-то действия, – высказал я свое мнение.

–Согласен, – ответил Эдвард и, встав с кресла, подошел к камину, потирая руки.

–Ну что, в этом доме найдется нормальное виски, чтобы согреть замерзшего путника?

–Извини, – ответил я и, достав бутылку виски, стал наполнять стаканы. Подождав, когда я закончу, Эдвард взял в руки ближайший и, подняв его на уровень глаз, сказал:

–Ну что, за успех нашей миссии в России, в этой загадочной стране, которая постоянно будоражит умы многих. Все только и обсуждают этот вопрос и те события, которые там происходят: как они отразятся на карьере людей, на их стране, экономике и прочем. И мало кого волнует, что случилось с царской семьей. Но в действие вступает зов крови. И поэтому нас посылают с тобой, чтобы мы совершили невозможное – то, что не смогли сделать политики с их, казалось бы, неограниченными возможностями. Так что давай выпьем за то, чтобы у нас все получилось.

И он, подняв стакан, выпил его залпом. Я молча последовал его примеру, хотя пить мне не очень хотелось.

–Ну, все, – сказал Эдвард, – будь здоров. Встречаемся послезавтра в шесть на седьмом пирсе. Если что надо, звони мне, – и он написал на своей визитке номер телефона.

–Хорошо, – ответил я, и мы расстались.

Проводив Эдварда, я развернул сверток. Здесь оказалось два костюма: один гражданский, а второй форменный инженера-железнодорожника, причем оба были новыми и идеально мне подходили. Во втором свертке был набор джентльмена для дальней поездки, включая британские принадлежности и прочую мелочь.

–Хорошо, что он не привез дорожный унитаз, который так любят возить с собой богатые англичане, – подумал я.

Кроме пары штиблет и ботинок здесь оказался небольшой нож в ножнах из качественной английской стали. Очевидно, это тоже был необходимый дорожный атрибут. Уж с ножом – то я умел обращаться. Три месяца подряд я тренировался у специалистов по этому делу. Доходило до того, что нас ночью человек пятнадцать с более «серьезными» ножами закрывали в комнате, и мы там устраивали битву «каждый против всех», причем били в полную силу, в полной темноте, ориентируясь только на слух и движение воздуха. Выходили оттуда часа через два с синяками и царапинами, никаких других увечий не было. Естественно, допускали туда только после серьезной предварительной подготовки. И теперь я могу не только метать нож в любую цель, из любого положения, но и работать с ним даже с закрытыми глазами, невзирая на численность потенциальных противников и их вооружение. Взвесив нож в руке, я отложил его в сторону и принялся рассматривать штиблеты. Они явно не подходили для погодных условий России. У нас там в это время лучше всего ходить в сапогах. Но где здесь, в Англии, найдешь хорошие хромовые сапоги, да еще такие, чтобы не протекали? Для этого нужен особенный мастер, который мог бы вставить вовнутрь рыбий пузырь, отталкивающий воду и делающий сапоги практически вечными. В них можно чувствовать себя очень комфортно и летом, и зимой. Но на нет, как говорится, и суда нет. Поэтому поедем в штиблетах, а уже в России разживемся сапогами. И я начал паковать вещи, которые мне могли бы понадобиться в поездке. Всего понемногу, и это понемногу оказалось целым чемоданом средних размеров – как раз таким, какой был мне необходим в силу моего служебного положения как инженера путей сообщений.

Предпоследний перед отъездом день я провел в хлопотах: созвонился с консьержкой и предупредил ее о своем отсутствии; встретился с военным атташе и договорился с ним о том, что он возьмет на себя функции связного с нашим контролером из королевского дворца; наку-

пил продуктов питания в дорогу и сувениров для знакомых; снял наличные деньги в банке и спрятал их в крышке чемодана, а часть зашил в костюм; сходил в парикмахерскую и привел в порядок свой внешний вид; наметил предварительный план действий по поиску царской семьи. Кроме этого, я встретился с командиром отряда офицеров-бомбистов, именно того отряда, который стал формироваться в армии и проходил специальное обучение в Англии, а теперь возвращался домой. Я договорился, что в случае надобности этот отряд окажет мне содействие. Все это отняло у меня достаточно много сил и энергии, и к вечеру я вернулся домой, не чувствуя ног от усталости. Еще раз, проверив свой багаж, я свалился в постель и заснул мертвым сном.

Морской круиз в Одессу

Рано утром, откушав крепкого кофе, я на кебе рванул в порт. На седьмом пирсе меня уже поджидал Эдвард Боунд. Был он в шляпе, в темном пальто из толстой английской шерсти и с тросточкой в руках. Поздоровавшись, мы по трапу поднялись на сухогруз, где нас встречал капитан корабля. Он любезно провел нас в каюты, предупредив, что отплытие ровно в семь. Я только начал распаковывать вещи, как вдруг раздался гудок буксира, и судно, вздрогнув, отошло от причала и начало медленно разворачиваться носом в сторону моря. Корабль ожил, стал наполняться тихим гулом – это заработали паровые машины, готовясь к сложной борьбе с Атлантическим океаном. Буксир, выведя нас за пределы порта, отвалил в сторону, и корабль, прочистив свой гудок громким ревом, стал постепенно набирать скорость, стараясь быстрее вырваться на просторы Атлантики.

Разложив вещи, я решил выйти на палубу, чтобы еще раз окинуть взглядом оставшийся за бортом город. Дождя не было, и в лучах расцветавшего дня серая громадина Лондона постепенно отдалялась, приобретая игрушечный вид. Дул холодный встречный ветер, поднимая с верхушек волн холодные брызги, которые изредка долетали до палубы корабля и приземлялись здесь в виде мокрых капель. Налетевший порыв ветра чуть не сорвал с меня фуражку, и я, подхватив ее рукой, решил вернуться в каюту. В коридоре я встретил стюарда, который от имени капитана пригласил меня в кают-компанию на чай. Быстро раздевшись, я последовал за ним. Там уже были Эдвард, капитан и его старший помощник. Присев рядом с ними, я принял из рук матроса кружку горячего крепкого чая и стал с наслаждением его пить. В ходе чаепития я выяснил, что судно держит путь на Одессу, куда оно намерено добраться через две недели, а затем, разгрузившись, через три дня должно отправиться в обратный путь.

Время, в принципе, пролетело быстро. Мы с Эдвардом играли в покер, вели нескончаемые беседы о будущем, которое было туманным, и отработывали азы взаимопонимания при проведении определенных действий, которые могут иметь место во время предстоящего посещения России. Это было очень важно. Нам надо было научиться чувствовать друг друга, разговаривать взглядом и жестом, придумать язык, который был бы понятен, только нам двоим. Наше взаимодействие мы начали отработывать на стюарде, который не знал, куда деться от наших неожиданных действий. Позже мы взялись за кока, и он, бедный, не понимая, что к чему, на всякий случай стал более тщательно готовить пищу, чем заслужил благодарность капитана. Как говорится, нет худа, без добра. В результате, этих двух недель нам хватило, чтобы приспособиться друг к другу, и в Одессу мы прибыли сплоченной командой.

Договорившись с капитаном о том, что пока не устроимся, мы будем хранить вещи на корабле, я и Эдвард сошли на берег. В городе власть находилась в руках армии и представителей низвергнутого большевиками Временного правительства. Везде были патрули, действовал комендантский час. При выходе из порта у нас проверили документы, и старший офицер подсказал, где можно снять приличное жилье. Поймав извозчика, мы погрузились в пролетку и поехали по каменной мостовой, с удовольствием вдыхая весенний воздух. Солнце почти скрылось за горизонт, и на город опускались сумерки. Они постепенно заключали в свои объятия улицу за улицей, оставляя за собой редкую череду фонарей, которые своим желтым светом пытались разогнать сгущавшуюся южную темноту. Поездив по переулкам и просмотрев ряд сдававшихся комнат, мы, наконец, наткнулись на приличный двухэтажный каменный дом, который произвел на нас хорошее впечатление, так как здесь полностью сдавался весь второй этаж. К тому же туда имелся отдельный вход и окна выходили в небольшой садик, огороженный деревянным забором. Дом располагался на стыке двух улиц, и при желании можно было выйти на любую из них. Мы сняли этот дом. На каждого получилось по две комнаты, спальня и

небольшая гостиная, заставленная приличной мебелью. Решив завтра забрать вещи с корабля, мы начали обустраиваться на новом месте.

Утром меня разбудил солнечный зайчик, каким-то образом проникший сквозь шторы и начавший упорно светить мне в лицо. Пришлось вставать. К тому же по квартире витал запах свежесваренного кофе и еще чего-то вкусного. Очевидно, это был наш завтрак, который входил в пансион, уже оплаченный нами. Я быстро встал и привел себя в порядок. Благо, не надо было бриться, так как еще в Англии я отпустил себе бородку, чтобы немного изменить свою внешность, и теперь она требовала только небольшого ухода. Спустившись в гостиную, я присел за накрытый стол, на котором лежали тосты, аппетитно подсвечивая румяными боками, и пофыркивал кофейник. Эдвард появился здесь минут через пять, с удовольствием потирая руки и алчно поглядывая на стол. Мы не успели налить кофе, как буквально сразу показалась служанка с яичницей в большой сковородке и стала раскладывать ее в наши тарелки. На аппетит мы не жаловались, и все, что было на столе, смели подчистую. Когда наступил период сытого блаженства, Эдвард спросил: – Ну и что мы намерены сегодня делать?

– Хороший вопрос, – ответил я, попивая горячий кофе.

– Ну, во-первых, заберем свои вещи. Во-вторых, узнаем обстановку. Ну а затем определимся, как можно быстрее попасть в Петроград.

– Тогда давай разделимся. Я пойду выяснять ситуацию в английскую военную миссию, а ты действуй по своему усмотрению, – ответил Эдвард. – Встретимся вечером здесь и обменяемся мнениями.

Определившись, что нам надо делать, мы разошлись по своим комнатам. Быстро одевшись, я вышел через второй выход в садик, чтобы осмотреть его на всякий случай. Он был небольшим и достаточно уютным. В его деревянном заборе я обнаружил две не очень крепко прибитых доски, которые легко отодвигались в сторону, образуя своеобразную калитку, через которую я и вышел на улицу.

Одесса сегодня принадлежала англичанам и французам, которые высадили здесь свой десант. Поэтому их патрули были везде, а на некоторых улицах матросы сматывали веревочные границы, делившие город на отдельные территории в зависимости от той власти, которая не так давно находилась там. Вчера вечером мы этого не заметили. Очевидно, извозчик хорошо знал город, и поэтому доставил нас на место, минуя эти границы.

Дело в том, что Одесса привлекала к себе многих. Немало было таких, которые украдкой поглядывали на нее, а самые смелые делали попытки обладать ею. И когда они дорывались до ее «тела», то в первую очередь старались поглубже залезть в карман обывателя, чтобы забрать то, что еще осталось от прошлого грабежа. Но одесский обыватель стойко выдерживал этот натиск и показывал свои удивительные способности приспосабливаться к любой власти. Зайдя в комендатуру, чтобы узнать общую ситуацию в стране, я стал свидетелем беседы помощника коменданта с делегацией содержателей публичных домов со Средней улицы. Они втолковывали ничего не понимающему молодому прапорщику, что военные патрули должны взять под охрану их заведения и разбираться с конфликтами, которые периодически возникают по вине клиентов. За это господам офицерам они обещали определенные льготы и в деталях живописали, в чем они будут заключаться. Прапорщик, весь красный от их откровений, отказывался пропустить делегацию к коменданту, мотивируя это тем, что вопросы такого рода не входят в компетенцию военной комендатуры.

Из бесед в этой же комендатуре я узнал, что российское общество разделилось на красных и белых. Кроме этого были еще зеленые, синие, серые и прочие цвета, которые поддерживал тот или иной обыватель. Причем выбор цвета зависел от внутреннего состояния человека, его видения перспектив лучшей жизни. И как оказалось, цвет оправдывал свое название в требованиях и поведении этих цветных организаций, поскольку в практических действиях они не гнушались красным цветом, используя насилие и пуская море крови невинных людей. Кар-

тина была нерадостная. Непонятно было, какая власть правит в каком-то конкретном городе. Сегодня приходили одни, а утром их выгоняли другие. Аналогичная ситуация была и с денежными знаками. Народ верил царским деньгам – «катенькам» и банкнотам Временного правительства – «керенкам». Однако приходившая новая власть почти всегда привозила свой печатный станок и на газетной или любой другой бумаге печатала свои денежные знаки, заставляя народ использовать их в торговле и взаимных расчетах. Такое отношение к деньгам приводило к тому, что они теряли функции объединяющего начала, свою энергию и превращались в однодневные бумажки, которые выбрасывались в мусорные корзины с очередной сменой власти. Страна постепенно скатывалась к натуральному обмену, отбрасывая все остальное в сторону, как ненужный хлам.

Таким образом, рассчитывать на чью-то помощь не приходилось. Нужно было самим решать, как лучше добраться до Петрограда через всю эту недружелюбную территорию, наспигованную всякими бандами и повстанческими армиями. Взвесив все, я пришел к выводу, что больше шансов добраться до Петрограда было по железной дороге. Во-первых, пусть не регулярно, но поезда упорно перевозили грузы и пассажиров, несмотря на хаос, царивший вокруг. Во-вторых, даже если случится бандитское нападение на состав, здесь больше шансов уцелеть, учитывая количество народа в поезде и наши с Эдвардом профессиональные навыки. И, в-третьих, если мы поедем своим ходом, то у нас вообще мало шансов, доехать до пункта нашего назначения.

Теперь нужно было определиться, в какой роли нам с коллегой садиться в поезд: если в форме отставных офицеров, то это сразу ставит нас под удар; на крестьян мы были не похожи. Оставался один вариант: пробираться под видом рабочих, которые массово, в связи с закрытием предприятий мигрируют по стране в поисках продовольствия. Для этого нам следовало просидеть в Одессе пару дней, чтобы войти в образ и подобрать соответствующую одежду. А для этого надо завтра утром сходить на рынок, самое бойкое место в городе, и кроме одежды набрать побольше сведений, которые могут пригодиться в дороге. Побродив по Одессе и посетив железнодорожный вокзал и порт, я к вечеру добрался домой.

Там уже сидел мой приятель и попивал шустовский коньяк. Уловив мой удивленный взгляд, он философски произнес:

–Чему тут удивляться: коньяк как коньяк, даже очень ничего для разнообразия.

–Где же ты его взял? – спросил я.

–Не поверишь, презентовали в английской миссии. Ну и я решил попробовать.

–Да, это сейчас мы знаем, что такое шустовский коньяк. А когда он был еще не известен никому, то его хозяину пришлось приложить максимум усилий, чтобы народ оценил по достоинству этот великолепный напиток. Он нанял группу молодых людей и послал их в питейные заведения – кабаки, трактиры, рестораны, чтобы они требовали там шустовский коньяк. Естественно, его у них не было, начались скандалы, дело доходило до драк. Чтобы прекратить это, хозяева начали выяснять, где же можно приобрести этот напиток. Нашли склады Шустова и стали делать оптовые закупки. И постепенно этот коньяк нашел своих ценителей. Вот и ты попал в эту категорию.

–Да я и не возражаю, – ответил Эдвард и выпил стакан до дна.

– Ну а теперь вернёмся к нашим вопросам. Дело в том, что мне в миссии сказали, что положение её сотрудников здесь шаткое. Они испытывают какое-то непонятное давление. Вроде нет особых опасений, а дело не идет. Во-вторых, они ставку сделали на Директорию, а не на Добровольческую армию. Это в основном идея французов. И как мне намекнули, союзники в ближайшее время передадут власть именно Директории, а сами отправятся домой. Самое поразительное в другом: в том, что солдаты испытывают паническое чувство страха, словно кто-то постоянно их угнетает и выгоняет отсюда. Особенно неуютно они чувствуют себя по ночам. Как говорят медики, именно в это время к ним приходит что-то и перетряхивает их

душу вверх дном, словно ищет кого-то. Это происходит выборочно, но солдаты напуганы до ужаса. И как ни удивительно, все это стало происходить буквально на днях. Поэтому командование приняло решение в ближайшее время провести эвакуацию.

–Да-а... – задумчиво произнес я.– Оно, скорее всего, ищет кого-то, кто недавно прибыл в Одессу. Под это подозрение попадаем и мы с тобой. Значит, как можно скорее нам следует уезжать отсюда.

–И как мы поедem?– спросил Эдвард.

–На поезде, – ответил я. И детально изложил ему свои соображения по этому поводу. Немного поразмыслив, Эдвард согласился с моими доводами. И мы с ним стали разрабатывать план дальнейших наших действий.

Одесские страдания

Рано утром мы отправились с ним на Бессарабский рынок. Несмотря на тяжелое время, он, раскинувшись в разные стороны, бурлил и кипел страстями и продажным ажиотажем. Все продавалось, и все покупалось. У кого не было приемлемых денежных знаков, тот предлагал самый обычный натуральный обмен. Манто шло за сало, золотое кольцо – за иностранную тушенку, офицерский наган менялся на табак. Кругом шныряли подозрительные личности, хищно посматривая на покупателей и их товары для обмена. Я предупредил Эдварда, чтобы он был осторожен со своими карманами и ни с кем не вступал ни в какие разговоры. Поэтому он шел впереди меня, опустив руки вдоль карманов пальто, словно прикрывая их, хотя там ничего не было. Все деньги были у меня. Вечером я попросил хозяйку, тетю Соню (она так просила себя называть), поменять мне фунты стерлингов на «катеньки», и теперь я располагал достаточно солидной суммой российских рублей. Часть из них я взял на рынок. Торговля шла и в торговых рядах, и в подворотнях, и в темных углах, и на тротуаре. Торговали не только местные жители, но и иностранные солдаты, которые выделялись среди всех своей формой. Мы тоже, несмотря на то, что пытались одеться скромнее, на фоне общей серой массы выглядели неоднозначно. Но другой одежды у нас не было, именно поэтому мы и приехали сюда, чтобы купить ее.

Наконец мы добрались до тех рядов, где торговали мануфактурой и одеждой. Однако то, что нам было нужно, не попадалось. А нам необходима была ношенная одежда, не очень старая и не очень новая. Соответствующим образом должны выглядеть и картузы и сапоги. Все, что мы присматривали по пути, не очень пока нам подходило – то слишком новое, то слишком ношенное. Пока мы примеряли одежду, вокруг нас стала петлять такая себе ничем не примечательная личность. Она делала круги вокруг нас, то заглядывая в лицо, то посматривая издали, словно пытаясь что-то вспомнить. Это насторожило меня, и, подав условный знак Эдварду, я стал готовиться к возможным неожиданностям. Мы как раз подошли к дальним рядам, которые упирались в тупик, рядом с которым было боковое ответвление в виде узкого коридора. Народу было мало, так как основная масса покупателей крутилась вокруг продуктов питания. И когда мы подошли к коридору, неприметная личность бочком пододвинулась ко мне и шепотом спросила:

–Интересуетесь чем – то конкретным?

–Интересуюсь, – ответил я, глянув в его сторону.

–Могу посодействовать, – ответил тот и вопросительно глянул в мою сторону.

–Это как? – спросил я.

–Да вот прошу сюда, – он кивнул на коридорчик, – там все, что душе угодно.

Я посмотрел на Эдварда. Тот пожал плечами, давая понять, что решение принимать мне. Учитывая то, что ряды с товаром заканчивались, а мы еще ничего не купили, я решил рискнуть.

–Ну что ж, пошли, – сказал я неприметной личности, и он, обрадовавшись, побежал вперед, показывая дорогу и призывно махая рукой. Следуя за ним и войдя в коридорчик, мы внезапно наткнулись на стену, состоящую из двух человек с явным намерением не пускать нас дальше. Не желая идти напролом, я повернулся назад, но и там уже стояли два человека, небрежно сплевывающих семечки на землю. Мы с Эдвардом моментально встали спиной друг к другу так, чтобы с одной стороны была глухая стена, а с другой эта четверка неизвестных. Один из них, видимо, старший, вытащил из-за спины дубинку, а другой достал финку.

–Ну что, господа хорошие, сами все отдадите или как?

–Или как, – ответил я. – Подойди и забери, но будет очень больно.

Это вызвало бурные эмоции у всех четверых, которые зашлись от смеха.

–А мы сейчас поглядим, – сказал один из тех, что находились слева, и двинулся к нам.

–Мои слева, твои справа, – шепнул я Эдварду, и мы стали готовиться к встрече.

Места для маневра у нас не было. Поэтому я, не дожидаясь, пока они возьмут нас в кольцо, резко выдвинулся навстречу им и двумя резкими ударами ребром ладони уложил одного на землю, а второго достал ударом ноги в солнечное сплетение. Он сложился пополам и, хватая воздух открытым ртом, опустился рядом с первым. Повернувшись в сторону Эдварда с желанием помочь, я увидел, что он уже справился сам, отправив одного в нокаут, а второго припечатал к стенке, выкрутив из правой руки нож. Наклонившись над стонущими бандитами, я быстро обыскал их карманы и нашел два револьвера, которые забрал себе. Эдвард поднял нож и дубинку. Не успели мы повернуться к выходу из коридора, как в стене открылась потайная дверь и оттуда, хлопая в ладоши, вышел в сопровождении человек семи молодой мужчина приятной наружности.

–Браво, браво! – воскликнул он, продолжая аплодировать.

–Никогда бы и в голову не взял, что Сему Быка можно уложить одним ударом! Я снимаю перед вами шляпу, – и он картинным жестом приподнял свой картуз.

Это польстило Эдварду, и он самодовольно улыбнулся. Я же, продолжая рассматривать незнакомца, держал его и всю компанию на мушке двух револьверов. Но это ничуть не смущало его. Продолжая говорить, он двигался нам навстречу.

–Я имею сказать вам одну вещь. Вы очень красиво умеете ломать бока шантрапе. И это вызывает во мне впечатление. Но главное не это и даже не то, шо они готовы порвать вас, после того как вы их красиво погладили, а то, шо к вам имеет слово один человек.

И он, обернувшись, подал знак рукой своей компании, которая стояла сзади. Они расступились, и откуда-то из-за них появился прилично одетый пожилой человек. Он, робко оглядываясь назад, стал приближаться ко мне, бочком обходя стоявшего на середине пути молодого мужчину. Приблизившись ко мне, он внимательно посмотрел, а затем, тяжело вздохнув, спросил:

– Скажите, пожалуйста, вы случайно не родственник господина Савранского с Васильевского острова?

Меня бросило в пот. Это был пароль, который мы оговорили с ротмистром на случай экстренной ситуации. Значит, опять что-то случилось, и ему требуется моя помощь.

–Нет, – ответил я, – мы просто с ним жили по соседству. И я остановился в ожидании дальнейших действий.

–Ваш друг передает вам большой привет.

–А где вы с ним встречались?

–Видите ли, я сидел с ним в одной камере на Лубянке. Его, как и меня, арестовала новая власть. Его как офицера, а меня как ювелира. Но, слава Богу, еще есть люди, которые имеют цену. Мне пришлось кое-что кое-кому дать, и вот я теперь здесь, а ваш друг еще там. Он просил вас посодействовать, так как время работает против него. Там в камерах у них народу, как сельдей в бочке, и каждую ночь они расстреливают этот народ, чтобы освободить помещение для других. Этот кошмар и ужас передать невозможно. И я вам советую, молодой человек, быть осторожным, потому что там собрались бандиты со всей страны. Я даже встретил одного, который в свое время меня грабил. Так теперь он сотрудник ЧК. Как вам на минуточку?! И кстати, именно он мне помог. Так что, если вам надо, запомните, где его можно найти.

И он на ухо прошептал мне фамилию и адрес.

–Вы говорите «бандиты», – ответил я.– А это кто? – и я показал на стоявших сзади разбойников.

–Что вы, молодой человек! Это еще дети по сравнению с теми! Вы в этом сами скоро убедитесь. Ну, кажется, и все, что я имел сказать вам, молодой человек.

И он, приподняв шляпу, попрощался со мной и двинулся в обратную сторону. Я опустил револьверы и протянул их стоящему невдалеке молодому парню. Он взял их, положил в карманы и, чуть склонив голову, доверительно сообщил:

– Разрешите представиться: Миша Япончик. Одесса-мама меня знает вся, теперь будете знать и вы. Я на вас получил впечатление. Если надо, обращайтесь. В трактире на Молдаванке спросите меня у любого шкета, и они проведут до меня. Друзья Лени-ювелира – мои друзья.

И он, развернувшись, ушел, сопровождаемый своими подельниками. Эдвард вопросительно посмотрел на меня. Я объяснил ему сложившуюся ситуацию, и мы пошли продолжать искать вещи, так необходимые нам. На этот раз нам повезло. Буквально в конце вещевого базара у разбитной торговли мы купили все необходимое. Единственное, что долго выбирали, так это сапоги для Эдварда. Никогда не видя такой обуви, Эдвард около часа примерял ее, пытаясь намотать портянку, чтобы подобрать сапоги по ноге. Торговка падала со смеху, смотря на то, как он делает это. Затем не выдержала, сама зажала его ноги между своими, намотала ему портянки и надела сапоги. Он был очень доволен и решил не снимать сапоги до самого дома.

В доме, раздевшись, мы еще раз примерили наши обновки и остались довольны покупками. Эдвард в сапогах и косоворотке выглядел эдаким рубахой-парнем. Ему бы еще гармонике в руки – и можно было бы ходить по сельским улицам, приманивать девчат. То есть мы практически были готовы к поездке, единственная проблема состояла в том, как нам сесть на поезд и каким маршрутом лучше добираться в Петроград. Решили отложить решение этого вопроса до завтра.

Ночью была страшная буря. Ветер повалил много деревьев и раскачивал крышу дома как хотел, пытаясь ее сорвать и забросить куда-то подальше, словно открывая прямой путь кому-то неведомому к постояльцам, которые молча дрожали под одеялами.

Утром нас разбудил шум на первом этаже. Слышна была быстрая ходьба и причитания. Мы мигом выскочили из своих спален и спустились вниз. Здесь все было в движении. Туда – сюда прислуга таскала какие-то тюки, свертки, доставала из буфета хрустальную посуду и прятала ее в картонные ящики. Ничего не понимая, мы безмолвно стояли сбоку и наблюдали за этой суетой, пока не появилась тетя Соня. Она буквально вплыла в гостиную, расталкивая своей мощной грудью прислугу, и направилась прямо к нам.

– И шо это будет, я вас спрашиваю? И шо мне теперь делать? Я на вас удивляюсь, шо вы еще теперь здесь. Берите ноги в руки и быстро бигите, пока можно, а то потом будет никак. И шо теперь делать бедной тети Сони?

Этими вопросами она засыпала нас. Мы были настолько растеряны, что даже ни одного слова вставить не могли. Наконец Эдвард, не выдержав ее причитаний, во весь голос гаркнул:

–Мадам!

Она вздрогнула от неожиданности, и ее лицо стало приобретать осмысленное выражение.

–Как! Вы еще ничего не знаете?

–Ничего, – ответил я.

–И что это за город такой? Все, что хотят, то и творят, – снова завелась тетя Соня.

–Так вот, что я вам скажу: бегите из него как мама на душу положит. Сегодня англичане и французы начали эвакуацию. А в сорока верстах от Одессы стоит банда атамана Григорьева, чтоб ему пусто было. И он ждет, когда тут освободится территория, чтобы провести, как это говорят, экспроприацию. Что за слово такое поганое?! Будут опять ходить по домам, переворачивать все вверх дном и искать ценные вещи. Причем, эти все ненасытные. У каждого бандита сейчас человек по пять родственников ждут с телегами, шобы пограбить бедную Одессу. Ну как вам?

Новость была из ряда вон выходящая. Такого расклада мы не ожидали. Что повлияло на экспедиционный корпус, который еще вчера чувствовал себя здесь вполне сносно? Не ночная

же буря? Вполне очевидно, что и нам задерживаться здесь не имело смысла. Надо было искать выход из сложившегося положения и пробираться на Петроград.

Наскоро перекусив, мы переоделись в приобретенные вчера на базаре вещи, а остальные оставили тете Соне за соответствующую плату и выскочили на улицу. Здесь был шум и гам. Кроме воинских подразделений, которые в строгом порядке двигались в порт, гремели телеги и авто, перевозившие всякий скарб, бегали, причитая, толпы людей, надеющихся найти место на корабле и уехать за границу. Мы бросились на железнодорожный вокзал. Здесь были такие же толпы людей, но поезда не ходили. Железнодорожный путь прочно блокировала банда атамана Григорьева. И люди сидели, ожидая неизвестно чего. Хоть этого мне и не хотелось, но, посоветовавшись с Эдвардом, мы решили попробовать обратиться за помощью к Мишке Япончику.

Наш путь снова лежал на Молдаванку. Как и везде, здесь тоже царил ажиотаж. Но если в центре была почти паника, то здесь явно было видно, что все находились в предвкушении чего-то необычного. И скорее всего, грабежа, ввиду отсутствия какой – либо власти. В трактире было не протолкнуться. Не то, чтобы много пили, а больше всего шептались по углам. На нас в принципе не обратили особого внимания. Мало ли кто заходит сюда! Поэтому, протолкнувшись к хозяину, стоявшему за перегородкой в углу зала, я выбрал момент и шепнул ему на ухо заветную фразу.

– Не знаю такого, – важно ответил он и отвернулся.

Я поймал его сзади за косоворотку и под удивленные взгляды присутствующих медленно произнес:

– Делай, что надо, а то Миша будет недоволен!

Он побледнел и кивнул головой стоящему рядом половому, который моментально исчез за дверью. Минут через пять он вернулся с вертлявым субъектом, который, подойдя к нам и осмотрев снизу доверху, спросил:

– Это вы что ль к Мишке Япончику?

– Ну, мы, – ответил я, молча выдержав его взгляд.

– Ну, тогда пошли. И он направился к двери, из которой только что вышел.

Переглянувшись с Эдвардом, мы двинулись за ним. За дверью мы попали в небольшой темный коридор, который заканчивался лестницей, ведущей вниз. Там оказалось полуподвальное помещение, оборудованное под хорошую гостиную комнату. В ней на кожаном диване в окружении нескольких человек сидел Мишка Япончик и покуривал длинную папиросу, пуская синий дым в потолок.

Увидев нас, он удивленно приподнял брови, а затем, очевидно узнав, расплылся в улыбке.

– Какие люди! – он картинно встал, раскинув в стороны руки, отпустил своих компаньонов и приглашающим жестом показал нам на диван.

Мы присели, и стали молча разглядывать друг друга.

– Что, господа хорошие, видать, вас сильно припекло, раз занырнули в наш трактирчик! Может водочки или коньячку?

– Нет, спасибо, – ответил я.

– Ну, тогда чем может Миша помочь таким уважаемым господам?

– Советом, ну и может еще чем. Все зависит от ваших возможностей и желания.

– Это надо поглядеть. Так что открывайте карты, господа хорошие!

– Да скрывать – то особо нечего. Вот решили пробраться в Петроград, а поезда не ходят и пароходы не идут. Может, у вас есть какие-то возможности в этом направлении?

– Да, положеньице и в Одессе, и у вас хуже некуда. Одесса, как девка, кто ни приходит, все пытаются ее взять силой. Нет, чтобы добром и лаской! Ну а у вас и того сложнее, вам надо драпать как можно быстрее. Только вопрос: на чем и когда? Эти, тоже мне союзнички, мобилизовали для себя всех лошадей в городе и возят сейчас на них свое добро на пароходы.

А остальным что делать? И у нас, в нашем сложном деле тоже возникли трудности. Вот сейчас сидим и думаем, как нам дальше быть.

– Да мы не бесплатно просим помощи, – вступил я в разговор.

– Ну шо мне с того? Я не могу брать деньги с друзей моих друзей. Лучше я так помогу, так и мне потом так помогут.

– Дерганый, а Дерганый! – крикнул он, обращаясь к двери, глядя туда поверх наших голов.

Дверь отворилась, и на ее пороге показался кряжистый парень, у которого левая щека периодически подергивалась.

– Вот шо, – сказал Япончик, – дуй к Семке Ломовозу и скажи, шоб немедля запрягал тарантас. Он повезет этих господ до Мамкиного разъезда, ну там, где для паровозов есть круговой механизм, и посадит их на ближайший поезд.

И, повернувшись к нам, объяснил, что сейчас поезда доходят до этого разъезда, а там паровоз, отцепившись от состава, разворачивается на круговом механизме в другую сторону и, присоединившись к хвосту состава, везет его в обратном направлении. Пока об этом мало кто знает, но к обеду будут знать все. А эвакуация продлится минимум дня два. Так что железная дорога из Одессы скоро работать не будет. А там пассажиров станет невпроворот.

– Это все, что я сейчас могу сделать для вас, – сказал Япончик. – Ну, а пока, господа хорошие, располагайтесь, заодно и перекусим, шоб у горли не дернчалю.

И он крикнул в коридор, чтобы принесли что-нибудь поесть. Минут через двадцать на стоящем перед нами столе выросла гора вкусно пахнущей еды. Здесь уютно расположились и вареная картошка, и поджаренная свинина, посыпанная луком, и жареные бычки, и жирная, вся светящаяся таранка, и крупно нарезанный хлеб в глиняной миске. Весь этот натюрморт завершила запотевшая от холода бутылка смирновской водки, гордо поставленная на середину стола.

– Ну, господа, – сказал Миша, – прошу к нашему угощению! И он первым придвинулся к столу, взяв в руки бутылку.

Мы с Эдвардом, переглянувшись, отказались от водки, мотивируя это дальней дорогой, и набросились на еду. Япончик, ничуть не обидевшись, налил себе немного в стакан и с удовольствием выпил за нашу поездку. К концу нашего завтрака робко вошел парнишка, который привел нас сюда, и торжественно провозгласил:

– Карета подана!

Мы с Эдвардом поднялись, вопросительно глядя на Япончика. Тот, доев картошку, медленно поднялся из-за стола и подошел к нам. Крепко пожав руки, он сказал:

– Не забывайте Одессу-мату, она добрая к тем, кто ее любит. Думаю, вы пришлись ей по душе. Денег не надо, придет время, может, и вы, чем мне подсобите. Да, и если будет сильно надо, то в Питере на базаре спросите Ломаку, очень серьезный человек! Скажите, что от меня, он мне должен, поэтому поможет вам. Скажите ему, шо Миша просит помочь за Валета, он все поймет.

Поблагодарив его, мы вышли на улицу. Здесь нас дождался зеленый тарантас, в который были запряжены две лошади. Побросав в него наши котомки, мы молча уселись под пытливым взглядом здорового мужика, очевидно, того самого Семена Ломовоза. Он хлопнул вожжами, и мы, вырвав на мостовую, влились в поток беженцев, выбирающихся из Одессы. За городом лошадки пошли быстрее, обгоняя пешеходов, медленно тянувшихся к разъезду. По пути к нам подсакивали какие-то всадники, но, увидев нашего возницу, резко поворачивали коней обратно. Это касалось и бандитских шаек, которые останавливали отдельных беженцев и начинали трясти их вещи. Нас они не трогали, предпочитая отвернуться в сторону, словно не замечая. Оружия при нас не было, кроме тех ножей, которые мы везли из Англии. Но при случае и этого нам было достаточно для того, чтобы отразить любое нападение. Возница за все

время нашей поездки не проронил ни слова. Да и мы не пытались загружать его разговорами, видя явное нежелание общаться. Поэтому каждый погрузился в свои мысли, попутно наблюдая за пейзажем, который открывался перед нами. Вокруг была унылая степь, постепенно оживающая под лучами весеннего солнца. Кое-где проглядывали островки зелени и порхали птички, своим щебетанием наполняя пьянящий воздух.

– Да, – думал я, -спасибо ротмистру: и здесь свел меня с нужным человеком! Если бы не Мишка Япончик, нам бы сложнее было выбраться из Одессы и отправиться в столицу. Вот как жизнь все расставляет на свои места! Раньше я и подумать не мог, что придется обращаться за помощью к бандиту. Все встало с ног на голову. И очевидно, это только начало того хаоса, который грядет. Япончик был одним из немногих, кто обладал реальной властью в городе. И что самое интересное – умело пользовался этим.

Неожиданное столкновение: чудовище из Зазеркалья

Часа через три, наглотавшись пыли, мы подъехали к разъезду. Здесь было полно беженцев, повозок, лошадей, расположившихся отдельными кучками в ожидании поезда. Все с надеждой посматривали вдоль бегущих железнодорожных путей в ожидании состава. Наш возница, выбрав свободное место, притормозил лошадей. Мы спрыгнули с тарантаса и, поблагодарив Семена, пристроились неподалеку от поворотного механизма, надеясь попасть в первые вагоны поезда в случае его прихода. Рассматривая окружающую публику, я отметил, что на небе постепенно стали появляться облака, которые под воздействием ветра стали окружать нашу территорию, закрывая светившее до этого солнце. Сначала это были отдельные облака, а потом их хаотическое движение приобрело какой-то порядок, и они, словно рота солдат, стали двигаться к нам определенным строем, занимая соответствующее их рангу положение. Это были кучевые облака различной причудливой формы, которая меняла свои очертания в зависимости от освещения и положения в строе. Так продолжалось минут пятнадцать, пока на горизонте не показалось огромное темное облако, сразу закрывшее собой все солнце. Моментально стало темно. Все замерли в предчувствии чего-то необычного. А облако, меняя очертания, все больше приобретало формы какой-то амебы, раскинувшей свои щупальца во все стороны. Они, извиваясь, тянулись к земле, словно ощупывая все перед собой и ища что-то очень нужное им. Не найдя искомого, они возвращались обратно и выстраивались амебой в другую сторону, продолжая свои поиски. В облике этой амебы мне показались знакомые черты того чудовища, с которым я встретился в зазеркалье. Я замер от неожиданной догадки. Неужели это чудовище вышло оттуда, чтобы найти меня именно в тот момент, когда я не готов к такой встрече? А то, что оно ищет меня, я понял однозначно, потому что его щупальца накрывали каждую кучку отъезжающих, которые в страхе прижимались один к другому. Перебрав их поодиночке, щупальца двигались дальше. Один только мужичок, крепко выпивший, не боялся ничего и крыл матом двигающуюся тучу, держа в руках бутылку самогона. Щупальца было потянулись к нему, но затем, словно испугавшись чего-то, резко отпрянули в сторону. А он, развернувшись в их сторону, топал ногами и грозил кулаком. Я сразу понял, в чем дело. Алкоголь меняет сознание и энергетику человека, как бы размывает, раздваивает его, давая возможность выйти на первое место совершенно другим качествам, делая его порой неузнаваемым для окружающих. И тогда человек становится невосприимчивым ко многим вещам, которых он сторонился или боялся ранее. И поэтому облако, настроенное на восприятие меня как определенной целостной системы, не может понять этого двойственного состояния и отходит в сторону.

Я взглянул на Эдварда, который стоял, словно замороженный, всматриваясь в приближающиеся к нам щупальца. Облако находилось уже метрах в пятидесяти от нас и готовилось выбросить свои щупальца в нашу сторону.

Надо было что-то срочно решать, иначе мы не сможем доехать даже до следующей станции. Изловчившись, я бросился к мужику и, вырвав у него из рук бутылку с самогоном, в два прыжка оказался рядом с Эдвардом. Не говоря ни слова, быстро открыл бутылку и на четверть опорожнил ее, а затем сунул в руки оторопевшему Эдварду. Тот моментально отреагировал, поднеся ее ко рту и сделав пару крупных глотков. Мы сделали это вовремя, и, когда щупальца накрыли нас, хмель уже открыто бродил в моей голове, которая мысленно награждала облако теми же эпитетами, что и пьяный мужик. Щупальца, замерев на мгновение, словно нащупав то, что искали, внезапно отпрянули и как-то съжились, с опаской обойдя нас. Казалось, опасность миновала и можно праздновать победу, но беда подстерегала с другой стороны. Словно не найдя то, что ему надо, облако раздвинулось в стороны и над нами завис взявшийся словно ниоткуда огромный «Цеппелин». Притормозив на минутку, словно прицелившись, он

открыл пулеметный огонь по отъезжающим и стал бросать бомбы, стараясь попасть в поворотный механизм. Все кругом пришло в движение, перепуганные лошади рванули в степь, таща за собой повозки, а люди, крича и плача, бросились искать хоть какое-нибудь укрытие. Мы бросились на землю, но очередная взрывная волна оглушила нас и швырнула прямо в чрево поворотного механизма. Он и послужил нашим укрытием от пулеметного огня и следующей серии взрывов, которая прошла как раз по тому месту, где ранее мы стояли. Дирижабль, еще немного поупражнявшись в стрельбе по беззащитным людям, медленно поплыл дальше, подгоняемый попутным ветром. Вскоре все стихло. Напуганные люди стали выбираться из укрытий, плача и причитая. Везде пахло гарью и порохом от разрывов. Вокруг валялись раненые и убитые.

Недаром говорят, что пьяному море по колено. Мы с Эдвардом приземлились вполне удачно, несмотря на кучу железа, отделавшись лишь небольшими ушибами. На наше счастье, поворотный механизм был застопорен и устоял перед взрывной волной. В противном случае из нас бы вышла котлета. Помогая друг другу, мы выбрались наверх и стали помогать раненым, оттаскивая их от поворотного механизма. В этот момент раздался басовитый гудок паровоза, который показался из-за поворота, натужно пыхтя от тяжести тащившегося за ним состава. Подъехав еще немного, поезд остановился, и выскочившие кочегары с удивлением уставились на открывшуюся перед ними картину. Затем, повинувшись приказу кондуктора, они стали осматривать железнодорожные пути и, не найдя неисправностей, вернулись на паровоз и осторожно подъехали к поворотному механизму. Прибывшие люди высадились из вагонов и, осторожно обходя раненых и убитых, направились в Одессу. Затем паровоз отцепился от состава и заехал на поворотный механизм. Попытка развернуть его в нужную сторону сразу не удалась. Осколком бомбы погнуло балку, и она уперлась в шестеренку, которая поворачивала всю станину. Понадобилось еще часа два работы кувалдой, чтобы ее как-то выпрямить, и только затем станина с паровозом усилиями десяти человек со скрипом была развернута. Паровоз подцепил состав с другой стороны, и народ, почти пришедший в себя от внезапного нападения, рванул на посадку. Мы тоже, не теряя времени даром, заскочили в ближайший вагон и устроились на нижней полке. Потеснившись, мы пристроили возле себя женщину с детьми, а на противоположной полке расположилась молодая пара и несколько девушек. У всех на лицах и одежде были видны следы пыли и копоти от горевших шпал, пропитанных креозотом. Все были напуганы и хотели, чтобы поезд как можно скорее поехал вперед и увез от этого страшного места. Очевидно, их желание совпало с желанием паровозной бригады. Посадка была недолгой, и паровоз, выдав пронзительный гудок, тронул состав в обратном направлении. Народ, с облегчением вздохнув, стал постепенно приходить в себя. Зашебетали сидевшие напротив девушки, а дети, сидевшие тихо как мышки, стали спорить между собой, доказывая друг другу, кто прав. Состав медленно набирал скорость, успокаивающе действуя на пассажиров и заставляя их колебаться в такт движению. За все время поездки никаких особых происшествий не было. Так, пару раз поезд обстреляли мелкие банды, да на одном разъезде пришлось таскать из колодца воду для паровоза, так как колонка для заправки водой паровозов была разгромлена чьей-то артиллерией. Поэтому пришлось создать живую цепь и по ней передавать ведра с водой. Это сплотило пассажиров, и дальше они ехали более расслабленными.

Волчья сотня

В Екатеринослав мы прибыли под вечер. На перроне, как и на всех вокзалах, было шумно и грязно. Все куда-то спешили, толкая и распрашивая о чем-то друг друга, яростно жестикулируя и мерзко ругаясь.

Мы с Эдвардом быстренько выгрузились из вагона и, минуя вооруженных патрульных, через подъездные пути выбрались на небольшую привокзальную площадь. Здесь тоже толпился народ, выясняя, когда и в какую сторону можно уехать. В центре внимания были железнодорожные служащие. Люди буквально их разрывали, пытаясь выяснить сведения о расписании поездов. Нам надо было добраться до Харькова, поэтому мы также стали прислушиваться к тем разговорам, которые велись вокруг. Наши усилия вскоре были вознаграждены. Один железнодорожник, оказавшийся телеграфистом, сообщил, что под утро туда должен отправиться состав. В котором часу, и с каких подъездных путей, он не сообщил, так как не имел таких сведений. Но и это было уже кое-что. Нам необходимо было где-то пересидеть до утра, кроме этого желудок давал знать о себе периодическим бурчанием, тем самым выражая недовольство. Покрутившись вокруг, я заметил мальчишку с лотком, который бойко торговал пирожками с требухой. Мы подозвали его к себе и купили по три пирожка, расплатившись царскими рублями. Другие он не признавал. Я уже собрался было попробовать пирожок на вкус, как сзади кто-то дернул меня за пальто и тонкий детский голосок произнес:

–Дяинька, дай пирожка!

Обернувшись, я увидел грязного мальчугана с протянутой ко мне рукой. На меня из-под оборванного картуза смотрели огромные, полные недетской тоски глаза. Поперхнувшись, я молча протянул пирожки малышу.

–Спасибо, дяинька, – сказал он и жадно набросился на них. Кроме этого я дал ему еще пять рублей. Он молча кивнул головой и исчез в толпе.

–Да, -подумал я, -как выжить такому малышу в наше сложное время? Что может сделать это хрупкое создание в случае реальной угрозы? А она подстерегает его на каждом шагу.

Эдвард также с жалостью смотрел вслед удалявшемуся мальчугану, очевидно, вспоминая своего сына. Он подошел ко мне и молча протянул оставшийся пирожок. Я кивнул ему в знак благодарности, но вежливо отказался. Он пожал плечами и съел его. Со стороны Эдварда это был поступок, который говорил о том, что наши отношения и взаимопонимание продолжают укрепляться. Что касается меня, то после встречи с мальчуганом, мне вообще расхотелось есть.

Эдвард, тяжело вздохнув, произнес:

–Да, довели страну до ручки. Вот, за все время пребывания здесь я поражен. Поражен отношением людей друг к другу. С одной стороны, все готовы помочь друг другу, а с другой – ни с того ни с сего готовы поколотить из-за какой-то чепухи. И самое главное, что и то и другое делается очень искренне. Как это можно, я не понимаю.

–Ты многого еще не понимаешь, Эдвард. И тебе еще многое предстоит узнать, что-то тебя удивит, а что-то порадует, но все равно ты многого не поймешь. Чтобы что-то понять, надо здесь родиться и пропитаться этим духом, который зовется Россией, который вобрал в себя и испытал столько всего, что трудно даже перечислить. И поэтому если для тебя многие поступки непонятны, то для местного жителя они привычны. Ну, например, один из родственников царя, кстати, великий князь, не стану называть фамилии, будучи с официальным визитом во Франции, на приеме в Париже так набрался, что в приливе патриотического духа залез на вершину Эйфелевой башни и исполнил гимн «Боже, царя храни» от начала до конца, держась одной рукой за шпиль башни, а другой дирижируя в такт пению. Представителей французской власти чуть инфаркт не хватил. На их взгляд, это дикий поступок, на наш взгляд – вполне обычное дело. Так что, Эдвард, не стесняйся, если что непонятно, я готов всегда тебе

помочь. А когда поймешь, то тоже полюбишь и эту страну, и ее народ, который не похож ни на какой другой.

– Все может быть, – ответил Эдвард. – Но скажи мне, пожалуйста, почему они так поступают со своим царем? Ведь у вас всегда была абсолютная власть. Слово – то, какое – абсолютная! – И он с удовольствием нараспев произнес его. – И благодаря этому вы уверенно шли вперед, несмотря на всякие препятствия. Точно так же, как мы в Англии под знаменем короля. А теперь что? Кто будет этим знаменем, если царя нет, если убрали вековую традицию, которая вдохновляла и вела народ? Кому он будет верить, за кем пойдет?

– На этот вопрос у меня нет ответа. Время покажет. Но то, что человек без веры – это никто, я с тобой согласен. А чтобы заработать авторитет, нужны время и понятные для народа мысли и дела. Времени нет. Что касается дел, то ты видишь сам, как сегодня дела делаются – с револьвером в кармане. Или признаешь нашу власть, или к стенке. Другого варианта нет. Вот народ и приучился снимать шапку перед всякой новой властью, которая приходит в его дом, село, город, губернию. Лучше снять шапку сейчас, чем тебе снимут голову потом.

Эдвард тяжело вздохнул и, глядя на снующих по привокзальной площади людей, медленно произнес:

– Да, тяжело понять и это, – и он кивнул на людской муравейник, – и то, что ты сказал.

Наш диалог прервала внезапная паника, поднявшаяся среди толпы, затем послышались громкие выстрелы, и люди бросились врассыпную. На площадь стали выскакивать стреляющие вверх всадники в мохнатых папах, оттесняя людей и сбивая их в кучу. У многих из них к седлам были привязаны волчьи хвосты. Раздались крики:

– Махно, Махно, волчья сотня Махно, спасайся!

Нам попадаться этой братии было никак нельзя, и мы с Эдвардом бочком стали выбираться с площади, но попали в тупик между зданием и забором, ограждающим площадь. Здесь уже метались люди, ища выход, а с центра площади скакали вооруженные всадники с явным намерением присоединить нас к остальным.

Они уже почти достигли нас, как из-за кустов, растущих под забором, чей-то знакомый голос прокричал:

– Дяинька, давай сюда, – и оттуда высунулась чумазая голова моего знакомого мальчугана. Он призывно махал рукой, показывая жестом, что здесь есть проход. Я толкнул туда Эдварда, который, встав на колени, полез за кусты в то место, куда указывал мальчик, а сам приготовился встретить всадника, который, размахивая нагайкой, вплотную подскочил к нам. Лицо его было перекошено от злости и напоминало волчий оскал. Пока он крутился возле меня, матерясь и присматриваясь, куда ударить, Эдвард исчез, а я, изловчившись, схватил храпевшего коня под узды, перехватил занесенную для удара руку с нагайкой и выбил его из седла. Не теряя времени, я бросился плашмя на землю и ужом прополз за кусты, которые скрывали приличную дыру, ведущую на противоположную улицу. Мне вослед прогремели запоздалые выстрелы, которые в основном попали в стенку. Дождавшийся меня Эдвард, мальчишка и я бросились в темноту, скрываясь от возможной погони. Проскочив через улицу, мы миновали несколько дворов и, нырнув вслед за мальчиком в калитку, оказались в полуразрушенном доме. Мальчик, тихонько приоткрыв крайнее окно и призывно махнув нам, исчез за ним. Мы последовали его примеру, залезли вовнутрь, закрыв за собой окно. Когда наши глаза привыкли к темноте, мы рассмотрели комнату, в которой на диване разместился наш проводник, широким жестом указывающий на два продавленных кресла, стоящих возле печки. Мы в изнеможении опустили на них. Буквально через несколько минут на улице раздался цокот копыт и крики.

– Ищите их, это, наверное, те, кто нам нужен!

Громко залаяли собаки, раздались выстрелы, и в окнах замелькали отблески света от зажженных факелов. Бандиты стали осматривать ближайшие усадьбы, поднимать с постелей их обитателей. Постепенно, шаг за шагом они приближались и к тому дому, где находились

мы. Нужно было что-то решать. Я вопросительно посмотрел на мальчугана. Он глянул по сторонам и предложил спрятаться в сенях перед входом, чтобы в случае чего можно было внезапно выскочить и, если повезет, скрыться в темноте. Не успели мы зайти туда, как во дворе раздались голоса и двое бандитов подошли к двери. Один из них толкнул дверь, но она только скрипнула, запертая на замок. Второй подошел к нему и, осветив порог факелом, заметил:

– Да здесь давно никто не живет. Видишь, на крыльце никаких следов нету.

На это первый ответил:

– Ну, все равно, давай посмотрим в окна.

– Давай, – согласился тот и, спустившись с крыльца, подошел к первому окну, освещая его факелом.

– Нет, вроде никого не видать, все раскидано.

Так в течение десяти минут они обошли все четыре окна, тщательно просматривая через них комнаты, но ничего подозрительного не заметили. У меня перехватило дыхание, когда они подошли к тому окну, через которое мы проникли в дом. Наверняка там остались следы. Но бандиты уже свыклись с мыслью, что здесь никого нет, и не обратили на это внимание, глянув в окно проформы ради. Взломать дверь или выбить окно им не позволила крестьянская осторожность. Очевидно, это были бандиты-новички, еще не развращенные чувством вседозволенности и осознанием могущественности власти человека с ружьем. Так, беседуя между собой, они перешли в соседний двор, ответив старшему, что здесь никого нет.

– Шукайте краще, – сказал он, – если не хотите, шоб Батька зняв з вас три шкуры. Ему за этих «красавцев» какую-то цацку предложили, шо он отказать не мог. Дюже интересна, с виду, как куриное яйцо, только поболее будет, а нажмешь кнопочку – и оно раскрывается, а там красотища! И яйцо это не простое, все из золота и камней драгоценных. Мне его адъютант рассказывал. Предлагали ему тыщи, но он от денег отказался. А перед этим яйцом устоять не смог. Царская, говорят, вещичка. Ну, давайте топайте, чего рты раззявили? Найдете их – и вам подарок будет.

Этот невольно подслушанный разговор снова поставил передо мной ряд вопросов. Кто ищет меня, кто такой могущественный постоянно преследует меня, не считаясь ни со временем, ни с затратами? Одно я понимал абсолютно ясно: это связано с судьбой императора и янтарной комнатой. Это однозначно. Но кто конкретно стоит за этим, я до сих пор не мог понять. А это было очень важно, так как, зная противника в лицо, легче принимать защитные меры. Ты тогда можешь определить его манеру поведения, способы нападения, стиль мышления, предугадать действия, с помощью которых он достигает своих целей. Важным является и то, мужчина это или женщина. Если черты характера где-то посередине – это хуже всего. Тогда труднее просчитать, как он будет вести себя в той или иной ситуации. Например, там, где надо проявить мужскую твердость, он обратится к женской хитрости, и наоборот. Существенным в данном случае окажется и его опыт работы по устройству всяких козней, которые мы уже испытываем на себе. Чем больше опыт, тем богаче арсенал таких козней. А может, это вовсе не человек, а что-то такое непонятное? Некая сущность, с которой я встретился в янтарной комнате, и которая могла вести себя вполне разумно, в определенных рамках? Возможно, ее задача и состоит в том, чтобы не дать нам с Эдвардом выполнить свою миссию – найти и освободить царскую семью. Поэтому она постоянно преследует меня, противодействуя всем моим планам, причем это проявляется именно тогда, когда я нахожусь в пределах России. За границей она бессильна, и возможно, на Эдварда она будет действовать избирательно, учитывая то, что он не является сыном этой земли, и не обладает тем набором качеств, которые характерны для местных жителей. Если я прав, то нужно это взять на заметку и при необходимости применить на практике. Подождав, пока шум утих, и облава удалилась на достаточно безопасное расстояние, я подал знак своему компаньону о том, что пора выбираться отсюда.

Нам было очень жаль расставаться со смышленным мальчуганом, но взять его с собой мы не могли. На прощанье я дал ему сто рублей, и мы с Эдвардом тем же путем вылезли во двор. Прислушавшись к тишине, которая воцарилась вокруг, мы пошли в сторону железнодорожных путей, указанную мальчиком. Побродив по темным улицам минут двадцать, мы вышли на железнодорожную стрелку недалеко от вокзала. Навстречу нам попался путевой обходчик, проверявший исправность железнодорожного пути. Он нам сообщил, что состав на Харьков уже как минут двадцать стоит на четвертом пути, ждет паровоз, который заправляется водой. Не теряя времени, мы бегом бросились туда. Вагоны уже были забиты людьми до отказа. Неоднократные попытки сесть в вагон не увенчались успехом. Пассажиры прочно держали оборону, пресекая всякие поползновения на их место, сопротивляясь и матом и кулаком. Увидев усатого кондуктора в форменной фуражке, с грозным видом стоящего на подножке одного из вагонов, я обратил внимание, что он продолжал посадку, выборочно пропуская пассажиров вовнутрь. Подмигнув Эдварду, я подошел к нему, заранее приготовив в кармане денежный билет. Увидев меня, он напыжился и, выдвинув грудь колесом, закрыл дверь в вагон.

– У вас пропускают по билетам? – спросил я.

– Каким билетам? – недоуменно переспросил он, очевидно, пытаясь вспомнить, что они собой представляют, так как железнодорожные билеты давно отошли в прошлое и народ ездил за деньги или за продукты питания, или еще за что-нибудь другое.

– А такие, – ответил я и сунул ему в руку денежный билет достоинством в двадцать рублей.

Увидев деньги, он расплылся в улыбке.

– Оно, конечно, такие билеты всегда принимают, – и спустился по ступенькам вниз, давая нам возможность подняться в вагон. Он был почти забит пассажирами, порою находившимися в самых невероятных позах. Все настороженно следили за нами, очевидно, боясь за свое место. Медленно продвигаясь по вагону, мы искали место для себя. На одной из лавок сидела дородная тетка в цветастом платке, окружившая себя узлами и корзинками, не давая никому из пассажиров освободить рядом с собой хоть немножко места. Мы как раз подходили к ней в тот момент, когда внезапно поезд дернулся. Очевидно, прицепили паровоз. От толчка узлы, находившиеся рядом с теткой, рассыпались и покатались по вагону. Она живо подхватила с места и кинулась их собирать. Я подмигнул Эдварду, и мы быстро составили оставшиеся узлы и корзины на пол, уселись на лавку, оставив место и для женщины. Вернувшись на свое место, с собранными узлами и увидев перестановку, она сначала оторопела, а затем, покрывшись красными пятнами, начала ругаться таким отборным матом, что весь вагон покотился со смеху. Это разрядило обстановку, и она, остыв, плюхнулась на полку и, громко отдуваясь, стала стирать платком пот с лица.

– Да, тяжелая это работа – такой красивой женщине так ругаться матом, – сказал я.

– А ты проживи с мое и попробуй, накорми мал мала меньше, а я посмотрю на тебя, – парировала она меня.

– А муж -то где? – спросила рядом сидящая тетка.

– Как где? На войне. Нонче все мужья на войне, то на этой, то на той. Кругом одна война, а мужей нету. Вот и маюсь уже который год. А что дальше – никто не знает, как жить, кто скажет? – и она обвела всех вопрошающим взглядом. Естественно, этот вопрос остался без ответа, потому что каждый думал об этом и каждый выживал, как мог. Тяжело вздохнув, женщина окончательно успокоилась и начала устраивать свою поклажу поудобнее. Это как бы послужило сигналом для состава. Паровоз рыкнул басом, и поезд, дернувшись, с лязгом начал свой плавный ход. В вагоне все вздохнули с облегчением и стали потихоньку заниматься своими делами. И мы с Эдвардом, переглянувшись, решили вздремнуть, тем более, что прошедшая ночь выдалась не очень спокойной. По молчаливому согласию, наш сон мы разделили на период отдыха и бодрствования. Пока я спал, Эдвард находился в полудреме, автоматически фиксируя все

происходящее вокруг, а потом я сменял его. Эта система вырабатывается с годами. Иногда, бывало, при полной усталости достаточно пятнадцати минут такого сна, чтобы полностью восстановить свои силы. Главное, уметь отключиться сразу от всего, словно нырнув под одеяло, и тогда на тебя мгновенно налетает пелена сна, которая уносит с собою, а настроенный внутренний будильник начинает звенеть в строго установленный тобою срок завершения отдыха. Поэтому перед сном следует четко представить его себе, и тогда у тебя все получится. Самое важное, сразу выбраться из-под мысленного одеяла, а не вылеживаться, как мы это делаем на самом деле. У нас с партнером это получилось сразу, и мы достаточно хорошо отдохнули, приведя свои мысли и чувства в относительный порядок. Поездка заняла весь световой день.

Встреча с немецкими колонистами

К вечеру мы прибыли в Харьков. Ситуация здесь складывалась такая же, как и в Екатеринославе. Власть делили между собой, то гайдамаки, то красные, то белые. Уже на подъезде к вокзалу была слышна перестрелка. В очередной раз кто-то пытался захватить власть в городе. Народ, уже привыкший к такой жизни, не очень сильно реагировал на это и спокойно выгружался из вагонов. Мы с Эдвардом вместе с другими пассажирами тоже вышли из вагонов и прислушались к стрельбе. Выстрелы раздавались достаточно далеко, так что особой опасности пока не представляли. Однако для того, чтобы действовать дальше, нужно было выяснить ситуацию в городе. Чья здесь сейчас власть? Где можно переждать до утра, потому что, не зная города, нечего соваться в него ночью. Пока мы размышляли об этом, пришел еще один поезд и пассажиры, выплеснувшись на перрон, значительно увеличили массу находящегося здесь народа. Началась толкучка и неразбериха, так как каждый со своими узлами и котомками пытался как можно быстрее пробраться к выходу, настороженно прислушиваясь к приближающимся выстрелам. Напиравшая толпа выдавила нас в угол здания, где в относительном затишье стоял пожилой мужчина в железнодорожной тужурке и спокойно курил папиросу.

–Послушайте любезный, – обратился я к нему. – Что тут у вас происходит? Не подскажете ли, где тут поблизости можно переночевать?

Он смерил меня взглядом, спокойно докурил папиросу, аккуратно затушил ее, а затем произнес:

–Переночевать здесь можно недалече, в Новой Баварии, это от вокзала налево будет, а там спросите. А что касается стрельбы, то это всего лишь облава. Вчера власть тут установила Центральная Рада, так вот теперь они через облаву набирают народ в армию, ну а бывших офицеров, – и он многозначительно посмотрел на нас, – ловят и сортируют: кого налево, а кого направо.

–Не переживай, отец, – сказал Эдвард, – мы не офицеры, а такие же, как ты, железнодорожники-инженеры. Вот добираемся в Петроград, в Министерство путей сообщений, проектировать новые железные дороги.

–Да кому они сейчас нужны?! Тут и те, которые есть, довести до ума не можем. Угля почти нет, на дрова переходим. Зарплаты нет, народ бежит в деревню, а работать кто будет?

–Да, сейчас везде сложно, – подхватил я начатую тему. – Поэтому хотелось бы как можно быстрее добраться до Петрограда. Не подскажете ли?

–Да тут подсказывай не подсказывай, все равно никакого толку. Расписания ведь нет. Все на живую нитку. Правда, мне телеграфист Петров говорил, что пришла депеша о том, что около двух ночи сюда прибудет состав с синежупанниками. Так вот, его переформируют и вроде бы утром отправят, но не на Петроград, а на Москву. И я вам бы советовал, господа хорошие, не садиться в этот поезд здесь, а сесть в него возле Рашкиной дачи, там спуск и поезд сбрасывает скорость, поэтому есть все шансы сесть в него. Многие так и поступают. А здесь, неровен час, постоянно облавы, людей хватают и тащат в застенки. А с вами тем более не будут церемониться, больно вы ладные, хоть и одеты простенько.

–Так жизнь заставляет, отец, – ответил я. – Спасибо тебе на добром слове. А скажи, пожалуйста, что это такое – Рашкина дача?

–Да место такое, жил там немец Рашке, вот отсюда и название такое.

–А что, в Новой Баварии тоже немцы живут?

–Конечно, но есть и украинцы. Это в свое время, когда немцы приезжали сюда на заработки, они построили здесь пивной завод. Ну и стали селиться возле него. Пиво, скажу вам, достаточно приличное, – и он, крикнув, пригладил свои усы.

–И много там сейчас этих немцев?

–А кто их знает, я не считал, но достаточно. И живут они дружно и справно. Все у них есть, все по закону, друг другу всегда выручают.

– Да, – подумал я, – вот и здесь обнаружился след янтарной комнаты. И сюда добрались ее щупальца. Нет, нам нельзя идти туда, надо обходить это место стороной. Уж слишком оно может быть чувствительно по отношению к нам. Что же делать?

Мои мысли прервал женский визг и револьверный выстрел. На противоположном от нас конце перрона выстраивалась шеренга солдат, одетых в остроносые шапки с синим верхом, широкие шаровары, заправленные в сапоги, и украинские свитки, пошитые в виде шинелей. Взяв винтовки с примкнутыми штыками наперевес, они под руководством старшины стали теснить пассажиров в нашу сторону, которая заканчивалась высоким каменным забором, ограждавшим путевое хозяйство от пассажирского. С правой стороны был вокзал, из окон которого уже выглядывали солдаты, а с левой стороны – только что прибывший поезд. Среди народа возникла паника. Люди с криками, особенно женщины, стали метаться в разные стороны, натываясь друг на друга и шарахаясь от солдат. Бежать было некуда. Мы вопросительно уставились на железнодорожника. Он, повертев головой и оценив ситуацию, громким шепотом, волнуясь, произнес:

–Пид вагоны, пид вагоны и на ту сторону, а там до Баварии.

Мы развернулись, прикидывая, под какой вагон нырять, а он остался стоять на месте. Я обернулся к нему и спросил:

–А вы?

–А что я? Меня они знают, не первую облаву переживаю. Так что тикайте, господа хорошие, – и махнул рукой.

Изловчившись, мы с Эдвардом нырнули под поезд и очутились на подъездных путях. В какую сторону бежать? К счастью, нашему примеру последовало еще несколько человек. Раздались крики «Стой!», затем последовали выстрелы в воздух, но народ упорно лез под вагоны и выскакивал перед нами. Эти люди указали нам направление движения. Не обращая внимания на предупреждающие крики, мы бросились за ними, перескакивая через железнодорожные пути. Благо, уже было темно. Затем показался крутой склон, на который мы забрались в мгновение ока и очутились в небольшом перелеске, в конце которого мелькали какие-то огни. Посоветовавшись, мы решили пойти в эту сторону в надежде узнать, где находится Рашкина дача. За лесом начинались небольшие кусты, поэтому решили не высовываться сразу на открытую местность, а присмотреться к обстановке. Присев в кустах, мы начали наблюдать. Мимо нас проносились беглецы и, забежав за кусты, останавливались, натываясь на растянутую цепь каких-то вооруженных людей с керосиновыми фонарями и факелами в руках. Они останавливали их, обыскивали, связывали руки и сажали на землю.

–Твою мать! – кто-то выругался сзади и плюхнулся за куст рядом с нами.

–Опять эти колонисты!

–А что такое? – спросил Эдвард.

–А вы что, не местные?

–Как видишь, нет, – ответил я.

–Да у этих немцев договор с властью. Они вот так ловят мешочников, шерстят их, баб и стариков потом отпускают, а молодых мужиков сдают властям, а те их в казармы и под ружье. И за каждого такого мужика они имеют хорошие деньги, – ответил незнакомец.

В этот момент сзади раздался щелчок взводимого курка ружья, и чей-то голос произнес: –Вот и за вас неплохо получим. Тихо, не дергаться, руки вверх и встаем медленно.

Не то, чтобы я испугался, но ситуация была не из приятных. Занятые изучением того, что делается впереди, мы забыли о тылах. И вот эти тылы сразу напомнили о себе. Предпринимать что – либо, не выяснив ситуацию, было глупо. И мы, переглянувшись с Эдвардом, стали медленно подниматься, держа руки над головами. Я встал чуть– чуть боком, чтобы рассмотреть, к кому мы попали в плен. Это был бородатый мужчина среднего роста с охотничьей двустволкой в руках, направленной на нас. Рядом с ним стоял высокий здоровый парень, держа такое же ружье под мышкой.

–Давай, Рихард, обыщи их, – сказал пожилой и кивнул на нас.

–Стойте, ребята, стойте, – воскликнул я и повернулся навстречу идущему ко мне парню.

–Мы и так вам отдадим деньги, а вы нас отпустите, хорошо? – спросил я у старшего.

–Вот здесь все что у нас есть,– и я, сняв картуз, стал протягивать его бородатому, постепенно подвигаясь к нему поближе.

–Здесь пять тысяч рублей «катеньками», – продолжал говорить я, игнорируя молодого, оставляя его Эдварду.

Он мгновенно понял мою игру и стал занимать удобную позицию возле парня, стоявшего в растерянности.

Очевидно, озвученная мною сумма пересилила осторожность бородатого, и он призывно махнул мне рукой, чтобы я отдал ему картуз. Я подошел к нему поближе и бросил картуз так неловко, что он попал ему в лицо. Бородач, естественно, отшатнулся, и этого оказалось мне достаточно, чтобы отвести ружье в сторону, подсесть ногой по голени и после того, как он согнулся, ударом правой руки по шее отключить его сознание. Он без крика медленно осел на землю. Развернувшись, я увидел, что Эдвард, не мудрствуя лукаво, классическим английским хуком справа послал бедного парня в нокаут. Ружья их выпали и валялись рядом.

–Быстро бежим, – негромко крикнул я Эдварду, бросив взгляд на оторопело стоящего рядом незнакомца. Им оказался молодой парень, одетый в черную куртку.

Эдвард и я подхватили свои мешки, собираясь броситься в боковую сторону, где темнела какая-то возвышенность, чтобы уйти от облавы по тропке, едва заметной среди густых кустов. Но путь нам преграждал стоявший истуканом молодой человек. Эдвард, войдя в его положение, шлепнул его легонько по лицу, чем вывел его из прострации. Глаза его приняли осмысленное состояние.

–Давай, смывайся отсюда, – сказал я и, отодвинув его в сторону, пошел вперед. Вслед за мной двинулся Эдвард. Парень засуетился и, поглядывая с опаской на лежащих перед ним без сознания конвоиров, наклонился и потянул с земли свой сидор. Тот, зацепившись за что-то, не поддавался. Тогда парень, видя, что мы ушли достаточно далеко вперед, рванул его, и в этот самый момент раздался выстрел. Как оказалось, ляжка сидора зацепилась за курок упавшего ружья, и оно выстрелило в сторону облавы. На мгновение все замерло. Затем раздался шум, крики, и несколько человек бросились в нашу сторону, стреляя на ходу. Пули и дробь зашелкали по кустам, срезая ветки. Это отрезвляюще подействовало на парня, и он, петляя как заяц, рванул вперед. Мы бросились за ним. Парень вел нас в сторону горы, именно туда, куда и мы собирались идти. У самой горы мы его догнали. Но и погоня была уже почти рядом. Слышалось тяжелое дыхание преследователей и их перекличка между собой. Только темнота спасала нас от того, чтобы быть обнаруженными в любой момент. Вскоре мы полезли вверх. Это сыграло с нами злую шутку. Гора оказалась совершенно без растительности, только камни были разбросаны вокруг. Взошедшая луна осветила все вокруг, и мы стали видны как на ладони.

Сзади раздались крики «Стой!» и выстрелы. Это заставило нас действовать энергичнее, и мы на четвереньках взлетели вверх.

Сюрпризы подземелья

Парень, бежавший впереди, на мгновение выпрямился и, быстро осмотрев все вокруг, направился к дальнему камню, кособоко стоявшему на краю горы. Подбежав к нему, он уперся в него руками и попытался сдвинуть с места. Однако у него ничего не получилось. Тогда он сдавленно крикнул нам:

–Давайте быстрее, помогите мне сдвинуть его, здесь вход в подземелье.

Времени на раздумывание у нас не оставалось, так как преследовавшие нас колонисты уже вычислили наше местоположение и открыли огонь. Пули стали зарываться рядом с нами, отскакивать от камня и с противным воем разлетаться вокруг. У нас ничего не получалось, а преследователи приближались. Тогда парень, забежав с другой стороны, начал толкать камень в противоположную сторону. И, о чудо! Он шевельнулся в своем ложе. Соединив свои усилия, мы сдвинули его с места. Он развернулся, и нам открылась черная дыра.

–Прыгайте, – крикнул парень, – здесь не высоко.

Не раздумывая, я прыгнул первым, за мной Эдвард, а парень на вытянутых руках повис вниз и нажал какой-то рычаг, заставивший камень стать на место. Это было сделано вовремя, потому что уже в подземелье мы услышали топот преследователей и их крики буквально над головой.

–Куда они делись? – кричали они. – Наверное, кубарем покатались вниз, вот мы их и не заметили, давайте дальше побежим за ними. Им далеко не уйти, там овраг.

И они бросились вниз, увлекая за собой кучу мелких камней.

Мы приземлились достаточно удачно, правда, Эдвард чуть не прыгнул мне на спину. Подождав пока парень переведет дыхание, я спросил его:

–Где мы?

–На Лысой горе, – ответил он.

–А почему Лысая?

–А кто его знает, видать, тут всякие темные дела творятся, что ни одно дерево не хочет расти. Вообще ночью народ старается обходить это место стороной. Мы как – то с ребятами были здесь, так до того страшно стало, что волосы поднялись дыбом. Мы еле ноги унесли. Потом как остановились и стояли как приклеенные, ни туда, ни сюда. Стоим и стоим. Ну, думаю, конец пришел. А тут еще тучи черные поползли по небу. Одним словом, жуть. Хорошо, что Колька чихнул, это нас и спасло. Мы словно проснулись и деру оттуда.

–А откуда про этот ход знаешь?

–А, это мы с ребятами лазили по подземелью, и нашли этот вход. У нас под городом много таких подземных ходов еще с давних времен понаделано, вот мы и смотрим, что тут есть интересного.

–Наверное, клады ищите, – заметил я.

–Ну не без этого, – ответил он и стал шарить рукой возле стены.

В подземелье стояла невообразимая темень, но воздух был свеж и прохладен. Очевидно, где-то была вентиляция. Рассмотреть что – либо было нельзя, хотя глаза уже привыкли к темноте. Парень, очевидно, найдя то, что искал, выпрямился и, сунув мне в руки какие-то палки, попросил подержать их. Как оказалось, это были факелы, пропитанные смолой. Чиркнула спичка, заставившая факел загореться и мерцать блеклым светом, который дал нам возможность осмотреться вокруг. Мы стояли на утрамбованном земляном полу, который окружали стены, выложенные красным кирпичом. Над нами было метра два свободного пространства, окруженного куполообразным сводом. Влево и вправо шел тоннель.

– Будем пользоваться одним факелом, – сказал парень, вручая Эдварду такой же, какой держал и я. – Мы с ребятами всегда оставляем их на всякий случай там, где мы ходили. Как видите, пригодилось. Сейчас пойдём налево. Я вас выведу в город, ну а там каждый по себе.

– Постой, – возразил я. – Нам не надо в город. Нам надо на Рашкину дачу, туда ближе к железной дороге.

Он секунду подумал и, очевидно, приняв решение, сказал:

– Хорошо, я отведу вас туда, там вроде бы есть выход. Идите, пожалуйста, за мной осторожно, так как тут постоянно бывают обвалы. Стен желательно не касаться, так как могут быть ловушки. Тут этих ловушек и тупиков тьма. Пока мы разобрались, что к чему, много дров наломали. И метки ставили, и веревку протягивали, все равно, сложно было.

И он пошел вперед, высоко держа потрескивающий факел над головой. Ориентируясь по одному ему известным приметам, он уверенно вел нас вперед, минуя многочисленные ходы и ответвления, встречавшиеся на нашем пути. Мы с Эдвардом двигались за ним, ступая след в след и соблюдая положенную дистанцию.

– Я всего раз был на Рашкиной даче, – сказал наш проводник, обернувшись ко мне. – Вход расположен в парке, а ниже, чуть левее, находится железная дорога. Там получается такой изгиб со спуском, и поезд постоянно тормозит, пока не пройдет этот участок.

За следующим поворотом тоннеля мы уперлись в завал. Это, очевидно, произошло недавно, так как осыпавшаяся земля была еще совсем свежей.

– Вот те на! – воскликнул парень. – Придется идти в обход.

И, развернувшись, минуя нас, пошел в обратную сторону. Пропустив его, мы снова двинулись за ним. Пройдя метров сто, он повернул налево и по боковому ответвлению мы двинулись вперед. Дорога пошла под уклон, поэтому пришлось идти немножко боком, чтобы удерживать равновесие. В какой-то момент наш проводник потерял его и, чтобы удержаться, оперся на стенку. И в этот момент случилось нечто непредвиденное.

Стена моментально исчезла, а пол, на котором мы стояли, приподнялся и выбросил нас в образовавшееся отверстие. Это произошло так неожиданно, что мы не успели даже среагировать и сразу полетели во тьму. Тело само сгруппировалось в полете, и это позволило удачно приземлиться. Болел бок, встретившийся с чем-то твердым, колени чувствовали себя не лучшим образом, да к тому же кружилась голова от жесткого приземления. Ощупав себя и не найдя больше никаких неприятных моментов на своем теле, я приподнялся и шепотом спросил:

– Эй, ребята, вы тут?

Первым откликнулся Эдвард, который отвел душу, вспомнив английские простонародные скороговорки на этот счет, заявив потом, что у него все в порядке. Затем мы начали искать нашего проводника, который не реагировал на наше к нему обращение. Двигаясь в темноте на ощупь, Эдвард обнаружил на полу потухший факел. Достав спички, мы зажгли его и стали осматриваться вокруг и обнаружили лежавшего без сознания нашего парня. Падая, он неловко приземлился и ударился головой в основание каменного свода. Эдвард приподнял его за плечи, прислонил к стене, и мы стали его приводить в чувство. Минут через пять он стал подавать признаки жизни, а затем открыл глаза. Недоуменно посмотрев на нас, он снова закрыл их, а затем, тяжело вздохнув, произнес:

– Ну, вот и влипли.

– Куда влипли? – недоуменно спросил я.

– Куда, куда, – устало передразнил он. – Конечно, в ловушку.

– Ну и что теперь? – снова спросил я.

– А ничего. Просто ловушки для того и ловушки, что из них нет выхода.

– Такого не может быть, выход обязательно есть. Просто его нужно найти. Вот что, Эдвард, давай зажжем второй факел и все здесь внимательно осмотрим.

Найдя второй факел, мы зажгли его и стали осматривать место нашего заточения. Это оказалась небольшая комната с высокими отвесными стенами, причем никаких следов окна, через которое мы ввалились сюда, видно не было. Внимательно осматривая стены по ходу движения, Эдвард обнаружил большое металлическое кольцо. Он попробовал его потянуть на себя, но оно не поддавалось. Я присоединился к нему, однако и вдвоем мы ничего не смогли сделать. В изнеможении мы присели возле стены, и чтобы не держать факел в руках, я решил его вставить в кольцо. Учтывая, что оно было широким для факела, я решил чуть его повернуть. К моему удивлению, кольцо повернулось влево, затем раздался щелчок, и нам открылся темный зев прохода, ведущий в неизвестность. Я крикнул нашего проводника, и мы, схватив разбросанные от падения котомки, полезли в открытое отверстие. Проход был довольно узким. Я полз впереди, за мною слышалось сопение Эдварда. Вскоре впереди показался блеклый свет, и мы, наконец, выбрались из узкого лаза в какое-то помещение. Несмотря на темноту, здесь царил полумрак. Чтобы лучше рассмотреть, где мы очутились, пришлось снова зажечь факел, потухший во время нашего перехода.

Когда он разгорелся, нашему взору открылась просторная комната с высокими потолками, которые, казалось, уходили в поднебесье. Света факела не хватало, чтобы увидеть свод. По окружности комнаты стояли огромные каменные столбы, на которых виднелись какие-то знаки и письма. Они как бы ограждали находящуюся посередине каменную круглую платформу, по краям которой находились высеченные из камня кресла с длинными прямыми спинками. На этих спинках также были высечены какие-то знаки. В центре платформы стоял небольшой каменный стол, на котором лежал какой-то предмет. Все это выглядело достаточно интригующе. Интересным было и то, что в комнате не ощущалось никакой пыли, было свежо от тянувшегося откуда-то воздушного потока, который заставлял факел потрескивать и колебаться пламенем в разные стороны. Очнувшись от изумления, я решил подойти поближе и рассмотреть, что же там такое интересное лежит на столе. Поняв мое намерение, Эдвард сказал:

– Вольдемар, будь осторожен. У нас в Англии много этих всяких штучек, и поверь мне, они порой бывают очень опасны. Я встречался с этим. Бывает такое, что потом достаточно трудно прийти в себя. Некоторые после этого просто остаются там, в другом мире. Получается, вроде бы они здесь, и тем не менее их нет.

– Я осторожно, – ответил я и сделал шаг вперед.

Мое движение осталось не замеченным. Воздух, дувший в одном направлении, изменил свое движение и создал вихревой поток, вращаясь вокруг каменных столбов, возле которых стоял я. Факел внезапно потух, а полумрак стал наполняться волнообразным светом, который стал струиться неизвестно откуда. Постепенно комната наполнилась ярким светом, и ветер внезапно прекратился. Со свода ударил луч, который осветил столик, и я сразу увидел, что на нем лежала большая квадратная каменная книга в кованом переплете, скрепленная золотыми пружинами, которые поблескивали от струившегося света.

– «Книга Судеб», – громким шепотом произнес выбравшийся из лаза наш проводник.

– Какая «Книга Судеб»? – спросил я.

– Самая настоящая, – ответил он. – Я думал, что это сказки, а оказывается, вот она, существует на самом деле.

И он сделал шаг вперед, намереваясь подойти к столу.

– Стой, – остановил его я. – Лучше не делай этого. Иногда незнание значительно лучше, чем знание того, о чем потом ты будешь очень сильно жалеть. Поверь мне. В данном случае, чем меньше знаешь, тем лучше для тебя.

Он остановился, как бы раздумывая над моими словами. На лице его отразилось, с одной стороны, желание идти вперед, с другой – страх перед возможными последствиями, о которых я предупредил его. Мучимый сомнениями, он облокотился на стоящий рядом с ним ближайший столб, как бы обняв его. От прикосновения столб наполнился светом, и буквально

через несколько секунд круглая платформа пришла в движение. Она тяжело со скрипом начала крутиться до тех пор, пока одно из кресел не остановилось возле столба и не наполнилось таким же мерцающим светом. Я обратил внимание, что и на столбе и на кресле были одни и те же знаки. После этого пришел в движение стоящий в центре стол. Он повернулся к креслу таким образом, что лежащая на нем книга стала своим основанием как раз против него. После этого кованые застежки сами собою раскрылись, и кто-то невидимый начал листать тяжелые каменные страницы, которые с громким стуком ложились одна на другую. Вскоре стук страниц прекратился. Очевидно, была найдена нужная. Через секунду она замигала призывным ярким светом, и на ней стали проявляться какие-то письма.

Не в силах сдержать свой порыв парень бросился к столу, быстро уселся в кресло и, схватив книгу двумя руками, жадно принялся читать. По мере чтения лицо его менялось, и радостные восклицания сменились маской ужаса. А потом он вдруг застыл на месте, уставившись куда-то в пространство. На наши призывы он никак не реагировал, словно окаменел. Переглянувшись с Эдвардом, мы медленно приблизились к нему и, стараясь не смотреть на книгу, попытались оттащить его назад. Это нам не удалось, он просто превратился в каменную глыбу и врос в кресло, а книга стала угрожающе мерцать разными световыми оттенками. Мы отошли назад. Посовещавшись, мы решили поискать выход из этой комнаты, а затем попытаться освободить парня, если до этого он не придет в себя. Три раза мы с Эдвардом обошли этот достаточно большой зал, но никаких следов или намеков на выход не обнаружили. Интересным было то, что если провести рукой по стене, она начинала светиться не очень интенсивным светом и через время гасла. Учитывая это необычное явление, я предложил Эдварду прощупать все стены. Может быть, изменение света покажет нам выход или еще какие-нибудь намеки дадут возможность нам его обнаружить. И мы принялись за дело, потратив на это не меньше двух часов. В какой-то момент раздался призывный крик Эдварда. Я подбежал к нему и увидел, что он показывал на металлическую пластину, вмурованную в каменную стену. Он обнаружил ее, прощупывая левую сторону стены. Она отличалась от остальных камней, которыми были облицованы стены, только температурой – была более прохладной. Став на безопасное расстояние, я кивнул Эдварду, и он нажал на пластину, которая чуть поддалась назад. Однако ничего не произошло. Разочарованные, мы двинулись дальше. И в этот самый момент там, где только что мы стояли, раздался скрежет, и сверху стала медленно спускаться металлическая лестница. Достигнув пола, она остановилась. Отодвинув бросившегося к ней напарника, я попробовал лестницу на прочность и полез наверх. Там я увидел круглый люк, вполне достаточный, чтобы в него мог свободно пролезть человек. Он выводил в коридор, по которому мы ранее шли.

Спустившись вниз, я рассказал об этом Эдварду, и мы решили попробовать освободить парня из западни. Медленно подойдя к нему с двух сторон, мы снова попытались снять его с кресла. Однако и на этот раз у нас ничего не получилось, более того, мерцание превратилось в огненные вспышки света, которые резко били в глаза. Тогда Эдвард вдруг резко ударил парня по шее, и, о чудо, парень обмяк, потеряв сознание, и мы мгновенно стащили его на землю. Свет сразу погас, и наступила темень. Парень лежал без сознания, как пустой мешок. Надо было что-то предпринимать.

Мы зажгли факел, и нашли наши вещи. Затем подтащили парня к лестнице. После этого стали думать, как его поднять наверх. Помогла смекалка. Покопавшись в мешках, мы нашли у парня кусок веревки. Взяв дополнительно пару своих рубашек, мы привязали парня к моей спине, и я с такой ношей первым полез наверх. Эдвард подстраховывал сзади. Не скажу, что это было легко, но кое-как, с передышками мы вытащили его наверх и вывалились в тоннель. Только мы присели на пол, как люк, по которому мы поднимались, закрылся. Необходимо было определить, куда двигаться дальше. Осветив факелом поверхность тоннеля, я вспомнил, что мы шли вниз по наклону. Следовательно, нам надо было идти влево, куда шел наклон. Парень никак не хотел приходить в сознание, поэтому мы стали тащить его по очереди. Минут через

двадцать он зашевелился и что-то пытался сказать. Мы остановились. Он привстал на ноги, но они у него подкашивались, и он сползал вниз. Тогда мы подхватили его под руки, и пошли дальше. Вскоре наклон закончился, и нам стало идти легче по относительно ровной поверхности. За изгибом тоннеля перед нами открылись три прохода. Куда идти, какой выбрать? Парень, очевидно, уже начав соображать, что-то промышчал и скосил глаза на правый вход. Следуя его указаниям, мы повернули туда. Вскоре почувствовалось дуновение ветра, которое начало колебать пламя нашего факела. Вероятно, где-то рядом был выход. Ориентируясь по колебанию факела, мы вышли на небольшую ровную площадку, с левой стороны которой находились каменные ступеньки. Осторожно поднявшись по ним, мы оказались перед деревянной дверью, которая была закрыта с обратной стороны. Отодвинув меня в сторону, Эдвард осмотрел ее, а затем, вынув нож, осторожно просунул его в дверную щель и тихонечко поддел вверх.

Дверь дернулась и со скрипом отворилась. Мы оказались в каком-то сарае, пристроенном к углу дома, выходящего на Сумскую улицу. Во дворе не видно было ни души. И в доме не горел свет. Это дало нам возможность быстро выскользнуть на улицу. Чуть наискось стоял двухэтажный дом, на котором висела вывеска «Азово-Донской банк». Мы не имели понятия, куда двигаться дальше. И кроме этого, нам надо было куда-то пристроить нашего проводника. Мы начали тормозить его и спрашивать, где он живет. Парень открыл глаза и просипел «Захарьков». Как оказалось, это было название района за мостом, то есть за Харьковом. Ничего не поняв, мы постарались, оставаясь в тени зданий, выйти с центральной улицы, чтобы двигаться дальше. Поравнявшись с банком, мы собирались свернуть в переулок, как вдруг оттуда медленно выехала пролетка, которой правил кучер, очевидно, ехавший с дружеской попойки. Он был в полудреме, напевая себе под нос какую-то мелодию. Оценив момент, я прыгнул на подножку и схватил кучера за плечо. От неожиданности он подпрыгнул на сиденье и автоматически натянул вожжи на себя. Лошадь взвилась на дыбы и остановилась.

– Чур тебя! – крикнул возница, усиленно крестясь.

Хмель сразу слетел с него и он, отодвигаясь от меня в сторону, стал шарить у себя под сиденьем, где наверняка у него находилось какое-то оружие.

– Остынь, дядя, – произнес сзади Эдвард, уже успевший сесть в пролетку и посадить туда нашего парня. – Мы к тебе с добром.

– Видишь, другу нашему плохо, а кругом ни души. Выручи, отвези нас, – и я посмотрел на Эдварда. – Захарьков, – подсказал он.

– А мы тебе за труды сотенную! – и я вытащил из кармана сто рублей.

Увидев, что ему ничего не угрожает, мужик перестал шарить по пролетке, расправил усы и, окинув нас взглядом, махнул рукой.

– Ладно, уж, но деньги вперед. А то знаю я вас.

– Хорошо, – ответил я и протянул ему сто рублей.

Он взял их в руки, посмотрел на свет, затем расправил и только после этого опустил в карман.

– Ну а ежели патруль встретит нас, то вы уж, ребята, сами по себе.

– А ты, дядя, скажи, что мы твои родственники, и тебе тогда за родство мы еще полтинник накинём.

Он ничего не ответил, только крякнул и, причмокнув губами, пустил лошадь вскачь. Или время было такое, почти утро, или нам просто повезло, но патруль по пути мы не встретили ни разу. Единственное, когда уже съезжали с моста, где-то вдалеке мелькнули солдаты, которые не обратили на нас никакого внимания. Наш парень от прохладного ночного воздуха стал чувствовать себя лучше и смог указать дорогу. Вскоре мы остановились у небольшого домика, крытого черепицей. Выгрузившись из пролетки и поддерживая парня, мы двинулись к калитке. Однако наш возница не собирался уезжать. Он кряхтел, поправлял вожжи, но с места не двигался. Наконец, собравшись с духом, он произнес:

–Это, господин хороший! А как насчет родственников?

–Каких родственников? – не понял я.

–Ну, это, полтинник за родство, ежели патруль нас того.

– Но, патруля– то не было, – возразил я.

–А ежели бы был, тогда как?

–Ну тогда так, как договаривались.

–Так это, я могу сейчас его кликнуть,– и хитро посмотрел на меня.

Чтобы с ним больше спорить и прекратить эту глупую попытку шантажа, я ответил:

–Ну ладно, уговорил, родственничек, – и отдал ему пятьдесят рублей.

Довольный выгодной сделкой, он лихо помчался в предрассветную даль.

Мои товарищи уже вошли в дом и расположились на лавке. Вокруг парня бегала пожилая женщина, охая и ахая, делая ему примочки. А рядом сидел кряжистый дед и курил самокрутку. Поздоровавшись, я присел рядом. Он молча глянул на меня, выпустил густой дым из ноздрей и произнес:

–Так значит вы из самого подземелья сюда?

–Да, по – другому добраться сюда никак не получилось.

–А с Колькой что такое?

И мы оба посмотрели на парня, который вроде бы и выглядел нормально, но находился в какой-то прострации. Глаза у него были какие-то отсутствующие, словно он был где-то далеко отсюда, и на вопросы отвечал с длинной паузой, порой невпопад. Понимая, что скрывать от деда нечего, я изложил ему всю историю нашего путешествия. Дед только крякнул и произнес:

–Да, дела!

–Слышь, Матвеевна, – обратился он к женщине, – надо срочно к Ивановне идти, пока не поздно. Только она может что-то подсказать.

–А кто это Ивановна? – спросил я.

–Да ворожка наша, всех лечит, у кого душа там или еще чего не так, так все к ней и идут. Ты сходи, а мы тут поговорим малость с господами хорошими.

Женщина уложила парня в кровать в соседней комнате, а затем, накинув на плечи платок, выскочила на улицу. Проводив ее взглядом, дед спросил:

–Ну, а что дальше делать думаете?

– Да нам в Петроград надо или хотя бы до Москвы добраться. Вот хотели на поезд сесть, который сегодня должен идти туда. Нам советовали сделать это возле Рашкиной дачи. Мы попробовали туда добраться, да вот видите, что получилось, – и я кивнул в сторону соседней комнаты. – А там нарвались на этих немецких колонистов, одним словом, попали как кур во щи.

–Да это вам еще повезло, – сказал дед. – Неизвестно, что было бы с вами, если бы попали к ним в руки. Это очень строгий народ. Они полностью зависят от своих старост. Без их разрешения никто не имеет права покидать колонию и даже жениться. Ну а ежели муж плохо выполняет свои обязанности, то жена может на него пожаловаться в правление и, представьте себе, его наказывают. За все они берут штраф. Ну, например, дал в морду кому-то – изволь штраф 50 копеек, да еще и прилюдно принеси извинения. За слушание приказа, будьте добры, выложите два целковых и так далее. Так что дисциплина у них железная, и все расписано до мелочей.

–Да, интересный народ. А все-таки, как нам добраться до этой дачи? Подскажите!

– Чего же не подсказать, подскажу. Только тут такая история: они теперь солдат выставляют и в вагоны, и в паровоз подсаживают. Ну и на вокзале, само собой, проверяют всех, кто уезжает, особенно в Москву.

–Так что делать? – спросил я.

–Я вот что думаю, – сказал дед и, поплевав в ладонь, затушил там самокрутку. Я должен ехать этим составом на паровозе, но у меня заболел помощник, кочегар, который бросает уголь в топку паровоза. И он хитро посмотрел на меня.

–Вообще-то кочегар обычно один, но ежели надо, то может быть два, тем более дорога дальняя.

Поняв его с полуслова, я, переглянувшись с Эдвардом, сразу выпалил:

–Мы согласны.

Оглядев нас критически, дед привстал:

–Только одежда у вас не подходящая, надо малость переодеться,– и двинулся в сторону комнаты, выходящей окнами во двор. Пока он там копался, хлопнула входная дверь и в комнату вошла Матвеевна в сопровождении сухонькой немолодой женщины с пронзительными, острыми глазами. Поздоровавшись с нами, она перекрестилась на иконы и присела на лавку, внимательно осматривая нас, переводя взгляд с меня на Эдварда и обратно. Её взгляд был пронизывающим, словно она пыталась залезть глубоко в душу и узнать все тайны нашего бытия. Естественно, автоматически сработала защитная реакция, и на нее пошел ответный поток моей энергии, который заставил ее отшатнуться и с уважением посмотреть на меня. После обмена такими «визитными карточками» она расслабилась и попросила меня рассказать, что случилось с нами. Узнав нашу историю, она покачала головой.

–Значит, вы были там. И видели все это. Не каждому смертному дается такая возможность. А те, которые попадают туда, или не возвращаются, или возвращаются в таком состоянии, что их назвать людьми нельзя. Это очень сильное место, и на разных людей оно влияет по – разному. Я сейчас поговорю с Колей и посмотрю, что можно будет сделать.

Она подхватила со скамейки и пошла в комнату, где лежал Николай. Пока она возилась там с ним, пришел дед, держа в руках пропитанную специфическим воздухом железной дороги одежду. Положив ее перед нами, он произнес:

–Одевайтесь, должно подойти. Что надо, берите с собою в мешок, но не набирайте очень много.

Мы последовали его совету и переоделись. Естественно, одежда преобразила и мой внешний вид, и Эдварда. Только лица выдавали нас, как представителей другой профессии, но только не железнодорожной.

–Ничего, – сказал дед. – Наденете картузы пониже, вымажете лицо сажей, и никто вас не узнает. Мать, собери нам поесть,– крикнул он в комнату, где две женщины кудахтали над парнем.

Я сел с краю на лавке и стал осматривать комнату. Случайно мой взгляд остановился на зеркале рукомыльника, в котором отражалось все то, что делала Ивановна в соседней комнате. Она сидела у изголовья Николая, держа его за левую руку, и что-то расспрашивала. Затем встала и с помощью Матвеевны установила на комод два зеркала лицом друг к другу, а посередине поставила зажженную свечку. Сначала цвет зеркал был блестящим, но потом по их поверхности пошли волны, она потемнела, и постепенно стали проявляться какие-то черты и образы. Нагнувшись поближе, я успел разглядеть знакомые очертания той овальной комнаты с книгой судьбы, в которой мы не так давно оказались. Затем промелькнули силуэты ребят, и зеркала сфокусировались на Николае, который сидел на каменном кресле без признаков жизни. Картина вырисовывалась так, словно кто-то невидимый разворачивал зеркала таким образом, чтобы обеспечить лучший вид. Однако, как Ивановна ни старалась приблизиться к заветной странице «Книги судеб», которая лежала раскрытой на столе, у нее ничего не получалось: или картинка уходила в сторону, или страница покрывалась рябью. Вскоре она закончила свои наблюдения, затушила свечу, а зеркала обрызгала водой из принесенной бутылочки и вытерла подолом своего платья.

Минут через пять после этого Матвеевна выскочила из комнаты, спустилась в погреб и поставила на стол крынку молока, вареную картошку, хлеб, соленые огурцы и кусок аппетитного сала. Дед первым сел за стол, пригласив нас садиться рядом, и, перекрестившись, начал завтракать. Мы последовали его примеру. Матвеевна, скромно сев в уголок, тихонечко сказала:

–Ничего не говорит, только что-то бредит непонятое.

–И ничего не скажет, – вступила в разговор вышедшая из комнаты Ивановна.

–То, что он прочел, предназначено только для него. Ведь это была книга судеб, а судьба у нас у каждого своя, и каждый несет свой крест, как может. Вот захотел знать свое – и получил свое. А какое оно «свое», теперь ведомо только ему. Он знает и чего-то боится. Страшно, конечно, жить, когда известно, что с тобой случится. И от этого становится еще страшней, потому что ты знаешь: несмотря ни на что это случится. И его нельзя ни отодвинуть, не перенести, ни оставить на потом. И это все постоянно ходит с тобой и за тобой. У любого тут будут нервы не в порядке. Но что-то придумаем, поможем парню. Поставим его на ноги. Это ему еще повезло, что вы его вытащили оттуда, потому что многие остаются там навсегда. Это твоя энергия спасла его и всех вас, – и она кивнула на меня. – В тебе много силы, и тебя ведет сам Всевышний, который помогает тебе. Ты ведь не простой, я это чувствую. С таким я встречаюсь впервые. И дело ты делаешь большое, и препятствует тебе чудище огромное, не от мира сего, которое постоянно ищет тебя, потому что ты для него угроза. Но ты победишь, не сразу и не легко, но победа будет за тобою. И друг твой тебе поможет в этом, он тебе не просто так дан. Придет его время помогать тебе в полную силу. И те знания, которые он накопил в заморских странах, помогут вам обоим.

Выдав все это нам, она повернулась к деду.

–А ты, Матвейч, помоги им. Большое и доброе дело они делают, и грех не помочь им в этом.

Затем она, вскочив на ноги, перекрестилась перед иконами, поклонилась нам и, обратившись к Матвеевне, сказала:

–Пускай сегодня полежит, оклемается, а завтра на утренней зорьке и начнем его на ноги ставить. Кажись, все, – и, повернувшись, вышла во двор, сопровождаемая хозяйкой.

Матвейч молча посмотрел на нас, затем встал, вытер усы большим ситцевым платком и сказал:

–Пора и нам в дорожку, а то пока доберемся, глядишь, и время подойдет. И надев картуз, вышел во двор. Мы тоже вскочили и, посмотрев на себя в небольшое зеркальце, висевшее над умывальником, пошли за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.